ГОЛОДНЫЕ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Артур Загидуллин

Артур Загидуллин
Голодные

https://litres.ru/74754024
SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 2012 год. Двадцатидвухлетний Данила приезжает из провинции с опытом ведущего, собственными треками и уверенностью, что столица давно нуждается в таком человеке.

Дома его узнавали на улицах. Здесь никто не ждёт. Нужно платить за комнату, искать работу и говорить маме, что всё хорошо. Особенно в дни, когда всё рушится.

Данила устраивает чужие праздники и мечтает однажды почувствовать себя на них своим. Москва подпускает близко: ночные знакомства, первые большие деньги, люди, рядом с которыми любая проблема кажется решаемой. Ему нравится новая жизнь. Нравится, каким он в ней выглядит.

Когда предлагают заработать за отдельную услугу, отказаться трудно. Потом выясняется, что выйти из договорённости гораздо сложнее, чем войти.

Теперь Даниле есть, что терять — и есть что скрывать от самых близких. Он всё ещё надеется исправить положение сам. Но каждый следующий шаг заставляет его делать то, чего ещё недавно он от себя не ожидал.

Содержание

АЭРОПОРТ	6
ТАКСИ	10
ЛИЗА	12
БЕЗ ПЕРЕДНЕГО СИДЕНЬЯ	16
УТКА	20
ПАРИ	24
ПЕРВЫЙ РЯД	28
И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ	38
СОБЕСЕДОВАНИЕ	41
ДО СВИДАНИЯ, МИЛЫЙ ДРУГ	47
ГУМ, ЦУМ	51
НИКОГДА НЕ СПИТ	55
ПАРКОВКА	59
ДОРОГА	63
КВАРТИРА АНТОНА	65
ТРЕТИЙ РАЗ	67
РАБОТА С АУДИТОРИЕЙ	71
ПОСЛЕ РАБОТЫ	74
СВОИ ДЕНЬГИ	77
КЛЮЧ	81
СЕЗОН	84
ДВАДЦАТЬ ОДИН ГРАДУС	87
ПЛАЦКАРТ	97

МУЛЬТИВАРКА 100
ГОСТЬ 104
ВОСЬМОЕ ЯНВАРЯ 109
ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ 111
ПОИСК 116
ПЯТЬСОТ 118
С ДВЕНАДЦАТИ ДО ЧЕТЫРЁХ 124
БОЙЛЕРНАЯ 126
ЕЩЁ ОДИН ВЕЧЕР 129
Конец ознакомительного фрагмента. 130

Артур Загидуллин
Голодные

ГОЛОДНЫЕ

«Те, кто гонится за большим богатством, так и не находя времени, чтобы им насладиться, напоминают голодных, которые вечно готовят еду и никогда не садятся за стол».

Мария фон Эбнер-Эшенбах (1830–1916) — австрийская писательница

АЭРОПОРТ

Домодедово. Осень 2012 года. Пятница, 12:08.

В Москве меня должны были встретить трое. Встретил один — незнакомый мужчина с вопросом, нужно ли такси.

Я сказал, что за мной едут, и отошёл к ограждению.

У Саши шло совещание. Ещё один приятель перестал отвечать со вчерашнего вечера. Лиза прислала сообщение: «Ты уже? Я только глаза открыла. Доедешь сам? Адрес скинула».

Я ещё раз прочитал «Ты уже?». Мы обсуждали мой прилёт две недели.

Из автоматических дверей выходили люди, которых кто-то обнимал. Мужчина в пиджаке поднял на руки девочку, та уткнулась ему в шею. Две девушки визжали возле тележки с чемоданами. Меня эти звуки почему-то раздражали. Я вытащил телефон и набрал домашнего приятеля.

— Я в Москве, брат!

Получилось громче, чем нужно. Таксист повернул голову.

— Да ладно? Совсем?

— Совсем. Всё, теперь зажжём.

— Встретили?

— Да. Тут все на ушах. Я позже наберу.

Я убрал телефон и закурил.

Меня зовут Данила Добронравов. Мне двадцать два. В дипломе, который лежал между футболками в дорожной сум-

ке, было написано, что я экономист. Диплом выдали в начале лета. К осени я добрался до Москвы.

Пока мои однокурсники искали практику, я по пятницам стоял на сцене с микрофоном и требовал от незнакомых людей показать руки. Иногда мне казалось, что это и есть моя специальность.

Дома я вёл клубные вечеринки, договаривался с диджеями, рисовал с приятелем афиши, обзванивал тех, кто обещал прийти, и до последнего надеялся, что обещавших хватит хотя бы на аренду. Знал, какой охранник пропускает без списка, какой звукорежиссёр исчезает перед началом и как разговаривать с хозяином клуба, когда тот смотрит на пустой танцпол и спрашивает, где мои люди.

Однажды я занял денег, чтобы рассчитаться с приглашённым артистом. Через неделю отдал. Об этой части своего продюсерского опыта я обычно не рассказывал.

Ещё я читал рэп.

Не только в машине друзьям. Были концерты, поездки в соседние города, клипы, которые мы снимали на чужую камеру и монтировали ночами. Нас размещали в местных пабликах. Под видео спорили: одни писали, что наконец-то кто-то делает нормально, другие — что я бездарность с завышенной самооценкой. Вторые иногда знали обо мне больше первых.

На одном концерте в соседнем регионе в первом ряду стоял парень в расстёгнутой куртке и читал мой припев раньше,

чем я подносил микрофон ко рту. Я не знал ни его имени, ни того, как он нашёл трек. До сих пор помню его лицо.

Ради таких минут легко было забыть всё остальное: гонорар в конверте, которого едва хватало на дорогу, запах чужой квартиры, где нас укладывали спать, хозяина клуба, уверенного, что возможность выступить уже является оплатой.

В своём городе я мог зайти в бар и услышать собственное имя с другого конца зала. Последние полгода мне этого было мало. Я начал замечать, что рассказываю одним и тем же людям одни и те же планы. Они всё ещё кивали. Именно это и пугало.

В Москве я собирался заниматься рекламой и мероприятиями, записывать музыку, знакомиться с нужными людьми. В понедельник у меня уже было собеседование. В приглашении стояло: «PR &Event Manager». Я перечитывал эту строчку в самолёте чаще, чем сообщение с адресом Лизы.

Мама попросила позвонить, как устроюсь. Отец спросил, сколько у меня денег, и предложил добавить. Я ответил, что хватит.

После билета оставалось сорок семь тысяч. Сумма казалась приличной, пока я не посмотрел объявления об аренде. Тогда я закрыл объявления. Первое время можно было пожить у Лизы.

Телефон завибрировал: «Ну что, московский, ты там как?»

Я снял стеклянный фасад аэропорта так, чтобы в кадр не

попали тележки, мусорная урна и моя сумка с надорванной ручкой. Отметился в Foursquare, отправил запись в Twitter.

I'matDomodedovoAirport.

Почти сразу пришли два ответа. «Красавчик». «Давай, покажи им».

Таксист всё ещё стоял рядом.

— Передумали?

Я посмотрел на адрес Лизы. Потом — на указатель к поездам.

— Сколько до совхоза имени Ленина?

ТАКСИ

В «Шкоде» пахло сигаретами и освежителем, который с сигаретами давно договорился.

Сумка легла на соседнее сиденье. На панели дрожал держатель телефона. Из радио доносился ремикс, под который я совсем недавно объявлял конкурс на бесплатную бутылку шампанского. Ведущий назвал диджея одним из самых востребованных.

— Сделайте потише, пожалуйста.

Водитель убавил звук.

— Не нравится?

— Надоело. У нас теперь каждый второй самый востребованный. Купил ноутбук, поставил свою фамилию на чужой трек — гастролирующий артист.

— Сами музыкой занимаетесь?

В зеркале появился его взгляд. Я сразу сел удобнее.

— Да. И мероприятия делаю. У себя выступал, по регионам ездил.

— Молодец.

Мне показалось, что это прозвучало недостаточно убедительно.

— Просто в основном такое на мойках слушают. По кругу. Там всем похуй, что играет.

Водитель несколько секунд молчал.

— У меня брат мойкой владеет.

Я посмотрел в окно.

— Я не про вашего брата.

— Понятно.

Ехали мимо складов, заправок, рекламных щитов. Я ждал Москвы: чтобы сразу стало видно, зачем я продал кое-что из аппаратуры и в последний вечер так долго обнимался с друзьями возле клуба. Пока за стеклом было примерно то же самое, только шире.

— Работать едете? — спросил водитель.

— Да. В рекламу.

— Уже взяли?

— В понедельник встреча.

— А жить где?

— У подруги. Пока.

Он кивнул и включил поворотник.

— Главное, чтобы это ваше «пока» вы одинаково понимали.

Я достал телефон. Мне не хотелось продолжать разговор с человеком, которому я платил за дорогу.

Под записью из аэропорта появился комментарий: «Ты там нас не забудь, звезда».

Я поставил улыбку.

ЛИЗА

Совхоз имени Ленина. 13:30.

Лиза открыла в майке и коротких шортах. Обняла меня одной рукой: в другой у неё была зубная щётка.

— Ну привет, гастролёр. Разувайся. Только сумку здесь не бросай, Аня убьёт.

— Кто?

— Соседка. Заходи.

Лизу я знал лет шесть — с тех времён, когда она приходила на наши вечеринки и спорила с охраной увереннее организаторов. Год назад она переехала в Москву. Теперь могла сказать «у нас на Патриках», хотя жила за МКАД.

Она была невысокая, около метра шестидесяти, с плотной шапкой мелких жёстких кудрей. Волосы стояли даже после сна — как будто Лиза ночью не лежала, а спорила с подушкой и победила. Светло-голубые глаза, ровные белые зубы, ямочки на щеках. Когда она улыбалась, хотелось согласиться раньше, чем узнаешь с чем.

Майка мягко обтягивала небольшую грудь. На бедре от резинки шорт осталась красная полоска. Я задержал взгляд, она заметила.

— Чай будешь, или ты уже занят?

— Чай.

— Отлично. Чайник умеешь включать?

Комнату она снимала за двадцать пять тысяч. Для меня это всё ещё звучало как стоимость квартиры, а не права спать в одной из её комнат. Впрочем, комната была просторная, с отдельной гардеробной, которую Лиза показала раньше кровати.

В трёхкомнатной квартире жили двое: Лиза и Аня. Маленькую третью комнату хозяйка заперла, оставив там свои вещи. Из окна кухни было видно пруд, чистые дорожки, новые дома. Возле въезда стояла будка охраны. На столе лежала связка рекламных браслетов, поверх неё — квитанция за квартиру.

Лиза вернулась из ванной и забралась на стул с ногами.

— Так. Рассказывай. Ты насовсем или опять «посмотрю, как пойдёт»?

— Насовсем. В понедельник собеседование.

— Кем?

Я назвал должность по-английски.

— О, коллега. Только не говори им, что умеешь раскачивать танцпол.

— А что говорить?

— Что умеешь работать с аудиторией.

Она засмеялась, увидев, что я обдумываю разницу.

Лиза работала младшим менеджером по маркетингу в ресторанном холдинге ZINZER. По её рассказам, работа состояла из открытий, фотографов и людей, которые не могли решить, с какой стороны у них лучше лицо. По сообщениям,

приходившим ей каждые несколько минут, — из согласований, потерянных файлов и просьб всё переделать.

— Мы сейчас ещё один ресторан открываем. Со звездой. Ну, как со звездой… С её лицом.

— В смысле?

Лиза показала на ноутбуке макет приглашения. Известный артист улыбался так, будто лично выбирал столовые приборы.

— Всем рассказываем, что это его ресторан. Он приезжает на открытие, фотографируется, даёт пару комментариев. Деньги и операционка — наши.

— А ему что?

— Гонорар. И, говорят, пять процентов прибыли. Я договор не видела, если что. Мне пока доверяют фамилии в списке гостей проверять.

Она закрыла макет. Под ним оказалось письмо, начинавшееся словами «Лиза, почему до сих пор».

— Серьёзно у вас, — сказал я.

— Серьёзно у нас только аренда. Всё остальное согласовывается.

Я потянулся за чашкой.

— Слушай, а я у тебя сколько могу? Пока работу найду, квартиру…

— Первые дни точно. Дальше разберёмся. Надо с Аней поговорить.

— Она не против?

— Она сейчас вообще на выезде. Вернётся — познакомлю.

На вопрос она не ответила. Но сказала это легко, и я решил не портить ей настроение уточнениями.

— Я, если что, за коммуналку скину.

— Даник, расслабься. Ты только приехал.

Я поставил сумку у стены. На ней осталась бумажная багажная бирка, и я почему-то не стал её отрывать.

БЕЗ ПЕРЕДНЕГО СИДЕНЬЯ

К вечеру Лиза решила, что прежде, чем встречаться с друзьями, надо кое-куда заехать.

— На пять минут. Потом в «Утку».

Во дворе стоял её белый четырёхлетний Ford Focus. Я открыл переднюю пассажирскую дверь и увидел коврик, пакет с туфлями, две папки и пустое место.

— А где сиденье?

— Сзади садись.

— Лиз, у тебя украли сиденье?

— После аварии сняли. Новое дорого выходило. Потом привыкла.

Она устроилась за рулём, бросила сумку туда, где должны были быть мои ноги.

— Зато удобно. Коробки с открытия вожу. И вообще, это концепция.

На бардачке улыбался Боб Марли, на двери чернели буквы N.W.A., с задней стороны водительского кресла смотрела анимешная девушка с глазами размером с блюдца. Потолок был в наклейках. Я пытался понять, что здесь появилось до аварии, а что стало объяснением, почему машину не надо доводить до ума.

— Коллеги охуели, когда первый раз увидели, — сказала Лиза.

— Верю.

— Один попросил отвезти его на встречу с клиентом. Сказал, сразу будет видно, что мы креативные.

На светофоре она проверила телефон, выругалась и записала рабочее сообщение совсем другим голосом:

— Да, конечно. Сейчас продублирую. Хорошего вечера.

Положила телефон, прибавила музыку.

— Чтоб вы все там продублировались.

Я засмеялся. Здесь, на заднем сиденье её странной машины, Москва впервые показалась пригодной для жизни.

У метро нас подрезала маршрутка. Лиза нажала на клаксон и выдала длинную речь о том, кто понаехал и почему из-за них невозможно ездить.

— Ты сама год как здесь, — сказал я.

— Я нормально езжу.

Она перестроилась без поворотника. Я промолчал. Мне тоже нравилась мысль, что есть обычные приезжие, а есть мы, с планами и хорошей музыкой в телефоне.

В следующем дворе Лиза припарковалась у подъезда. Ей позвонили.

— Мы внизу… Нет, я не одна… Сам спустишься?

Она слушала, потирая большим пальцем руль.

— Хорошо. Сейчас.

Повернулась ко мне:

— Посиди пять минут.

— Я в магазин схожу. Ключи оставь.

— Только далеко не уходи.

— Это ты себе скажи. Пять минут, помнишь?

Лиза посмотрела в зеркало, стёрла пальцем что-то под глазом.

— Даник, давай сразу. Ты мне не брат, я тебе не сестра. Без проверок.

— Я просто…

— Вот и прекрасно.

Она хлопнула дверью.

Я купил воду и пачку сигарет. Вернулся. Из квартиры над подъездом доносился телевизор. Мимо прошла женщина с собакой и посмотрела на пустое место в салоне, потом на меня. Я отвернулся.

Лиза появилась через двадцать пять минут. Улыбалась, но сначала проверила телефон и только потом села.

— Всё. Можно ехать.

— Ты успела там поужинать?

— Не начинай.

У неё в руке был маленький пакет. Я понял, зачем мы приезжали, и больше вопросов не задавал.

До центра добрались уже затемно. Лиза оставила машину на парковке и сказала, что забирать будет завтра. До бара прошли пешком, завернув по дороге в тихий двор.

Там мы покурили травку, которую она только что привезла. Я стоял рядом с ней, ещё в дорожной куртке, и смотрел на свет в чужих кухонных окнах. Где-то за стеной звякала

посуда.

Когда мы вышли обратно на улицу, мне стало смешно от того, как серьёзно я утром разглядывал маршрут до офиса.

УТКА

21:30.

Очередь у входа изгибалась вдоль стены. Девушки держали куртки на руках, хотя было прохладно. Мужчины старались смотреть поверх охраны, как будто пришли не проситься внутрь, а проверить, всё ли готово.

Я знал этот взгляд. Дома мы с администратором специально задерживали людей у входа, когда внутри было пустовато. Десять человек за дверью могли убедить остальных, что они попали куда надо.

С этой стороны ограждения приём работал хуже.

— Нас ждут? — спросил я.

— Иди за мной.

Лиза подняла руку одному из охранников.

— Борь, привет.

— Привет. Он с тобой?

Она кивнула. Охранник отстегнул ленту.

Я прошёл за Лизой, успев поймать взгляд парня в очереди. Тот посмотрел на меня с такой злостью, будто я придумал устройство этого входа. Мне стало приятно. Через секунду — стыдно, но совсем немного.

Внутри было жарко. У стойки пахло цитрусами, разлитым алкоголем и мокрой одеждой. Диджей собирал людей на танцпол знакомым треком; я автоматически отметил, где он

затянул переход.

— Даня!

Сашка Нестеров поднялся из-за столика и полез обниматься.

Мы дружили со старших классов. Полгода назад он переехал в Москву и теперь работал в рекламе. В переписке называл зарплату — шестьдесят тысяч. Ещё говорил о каких-то дополнительных деньгах, но расписывать не стал.

— Ну всё, теперь ты наш, — сказал он, хлопнув меня по спине.

— Ты же встретить обещал.

— Брат, пятница. Клиент вспомнил, что ему надо на понедельник. Не обижайся.

Я сказал, что не обижаюсь. Был рад его видеть.

За столом сидели ещё четверо. Кого-то я знал, кого-то только узнавал по фотографиям. Первые десять минут мы говорили одновременно: кто женился, кто уехал, какой клуб закрылся, кто теперь с кем. Потом у Саши зазвонил телефон, девушка рядом потянулась фотографировать коктейль, и разговор распался.

— Что пьёшь? — спросила Лиза.

— Пиво возьму.

Она посмотрела так, будто я предложил всем разойтись.

— Ты приехал. Можно хотя бы начать нормально?

Заказала шоты на троих. Я хотел спросить цену, но бармен уже расставлял маленькие стаканы.

С первым было хорошо. Со вторым я начал рассказывать, как меня приглашали выступать в соседний город. На третьем Лиза перебила: эту историю она слышала.

Я сменил историю.

Через час звуки стали слишком близкими. Бас бил в грудь, люди задевали локти. Я поймал себя на том, что очень долго смотрю на лёд в чужом стакане.

— Мне бы домой, — сказал я Лизе. — Перелёт всё-таки.

— Сейчас одиннадцать.

— Я знаю.

— Даник, мы только собрались.

Она уже держала меня за руку и тянула через толпу. Я пошёл, хотя не хотел.

В тесной туалетной кабинке грохот музыки стал глухим. Лиза достала пакетик.

— Это у тебя называется просто выпить? — спросил я.

— Можешь отказаться.

Я посмотрел на дверь. За ней кто-то нетерпеливо дёрнул ручку.

Мне действительно можно было отказаться. Это была самая неприятная часть.

Через несколько минут мы вернулись в зал. Усталость отступила, но никуда не делась: я чувствовал её где-то за новым возбуждением. Зато снова мог разговаривать. Теперь мне казалось, что разговариваю лучше всех.

Я рассказал Саше про собеседование, бармену — про му-

зыку, незнакомому человеку возле стойки — почему Москве не хватает нормального лейбла.

Незнакомый человек кивал. Потом оказалось, что он всё это время пытался передать через меня заказ.

ПАРИ

— Добронравов. Ты здесь или уже на обложке?

Антон появился рядом со стаканом в руке.

Мы пару раз пересекались, когда я приезжал в Москву на каникулах. Он был приятелем Саши, коренным москвичом и человеком, у которого на вопрос «что делаешь?» всегда находилось более интересное объяснение, чем работа.

На этот раз он занимался закупками для стоматологической компании отца.

— Кресла, установки, вот это всё, — объяснил он. — Если решишь золотые зубы для клипа — ко мне.

— У меня пока на обычные хватает.

— Правильно. Начинать надо с базы.

Он улыбался так, что трудно было понять, смеётся со мной или надо мной. Я решил, что со мной.

Антон спросил, где я остановился. Услышав про Лизу, быстро посмотрел через плечо. Она танцевала в нескольких метрах от нас.

— Надолго?

— Пока квартиру найду.

— Ясно.

— Что ясно?

— Ничего. Нормально всё. Телефон мой есть? Если что, набирай.

Он достал мобильный. На экране светилось женское имя. Антон сбросил вызов, тут же пришло сообщение. Он прочитал, набрал несколько слов и перевернул телефон экраном вниз.

— Девушка? — спросил я.

— Человек с вопросами. Ты лучше скажи, работать-то куда?

Я рассказал про агентство. Антон слушал внимательнее, чем остальные.

— Мероприятия делал, рэп, клипы… А людей собирать можешь?

— Могу.

— Чужих. Не друзей со школы.

— Я и чужих собирал.

— Тогда нормально. Тут все что-нибудь открывают. Всё время нужны люди, чтобы остальные подумали, что тоже хотят прийти.

Я хотел объяснить, что вообще-то собираюсь заниматься более серьёзными вещами, но его телефон снова зазвонил.

— Да, освобождаюсь, — сказал он в трубку. — Скоро. Нет, не выпил.

Сделал глоток, слушая ответ.

— Всё, потом.

Убрал телефон.

— Скучно стоишь, Василий.

— Данила.

— Данила — это в резюме. А сейчас Василий. Давай спорить.

— О чём?

Он посмотрел вдоль стойки.

— Первая девушка, которая закажет лонг-айленд. Знакомимся по очереди. Кому оставит номер — тому пять тысяч.

— А если обоим?

— Тогда мы оба дебилы, и никто никому не должен.

— Ты ведь скоро уходишь.

— Успеем. Тебе какие нравятся?

— Брюнетки.

— Брюнетка — ты первый. Блондинка — я.

Пять тысяч были для меня деньгами. Для Антона — способом скоротать время. Именно поэтому мне захотелось выиграть.

Мы ждали несколько минут. Антон рассказывал, как отец заставил его приехать на склад к восьми утра. Рассказывал как историю о тяжёлой судьбе. Я сочувственно кивал и думал, как бы мне не хотелось завтра вставать к восьми.

— Лонг-айленд, пожалуйста, — сказала Лиза с другого конца стойки.

Антон повернул голову.

— Ну охуеть. Родной край помог.

— В правилах не было, что нельзя знакомую.

— Номера она тебе не давала. Он у тебя уже есть.

— Боишься проиграть?

Лиза забрала коктейль и направилась к нам. Антон встал, положил мне руку на плечо.

— Ладно. Пусть будет твоя победа. Пять тысяч за мной.

— Сейчас отдай.

— Потом сочтёмся. Ты ж теперь местный.

Он подмигнул и пошёл к выходу, на ходу отвечая на очередной звонок.

— Вы что тут? — спросила Лиза.

— Да так. Разговаривали.

— Про что?

Я посмотрел на её стакан.

— Про работу.

Она приложила холодное стекло к моей щеке.

— Ну хватит на сегодня. Пойдём танцевать.

Я пошёл. Про пять тысяч не сказал.

ПЕРВЫЙ РЯД

Через несколько песен Лиза потянула меня за рукав и показала на Сашу. Он стоял у края танцпола, держа чужую сумочку. По лицу было видно, что обещанные две минуты давно прошли.

— Пойдём в машину покурим, — сказала она ему.

Саша поднял сумочку.

— Я на работе.

Лиза нашла глазами хозяйку и помахала ей. Та подошла за сумкой, и через минуту мы втроём уже пробирались к выходу.

— Сигареты у меня есть, — сказал я.

— Я не про сигареты. Трава с собой.

Мы забрали куртки. Саша никак не мог попасть в рукав и на ходу попросил меня подержать воротник. Я взялся, он дёрнул плечом, развернулся спиной к выходу и врезался в человека, который как раз входил.

Тот успел подхватить его под локоть. Саша, наконец попав рукой куда нужно, обнял незнакомца за шею.

— О, брат!

Я решил, что они знакомы, и тоже шагнул ближе. Несколько секунд мы втроём стояли в дверях, придерживая друг друга. Лиза смотрела на нас с улицы.

— Саш, пусти человека.

Саша убрал руку.

— Извини, я с этой курткой… Ты как?

— Нормально. Молния за ухо зацепилась.

Я отпустил воротник. Мужчина поправил волосы, и тут я его узнал.

Когда-то он пел на одной из первых «Фабрик звёзд». Я помнил его на экране двадцатилетним: длинная чёлка, открытая улыбка, рубашка, которую ему всё время хотелось поправить. Мы тогда ещё ходили в школу. Девчонки обсуждали, с кем он живёт в комнате и кому посвятил песню; я говорил, что это всё ерунда, но припев знал.

Теперь перед нами стоял взрослый мужчина. Под узкой футболкой наметился небольшой живот, который он втянул, застёгивая короткую кожаную куртку. Джинсы сидели низко, волосы были подняты и уложены так старательно, будто после эфира его попросили ничего не менять. Лицо стало шире. Улыбка осталась прежней.

— Ты же… — начал я.

— Ваня.

Он протянул руку. На этот раз мы поздоровались по очереди.

Саша назвал себя и меня. Лиза сказала своё имя сама.

— А вы куда? — спросил Ваня.

— Покурить, — ответила она.

Он достал сигареты.

— Можно с вами? Только что пришёл, там мои ещё не

собрались.

Лиза посмотрела на пачку.

— Мы траву.

Он убрал сигареты обратно.

— Тогда тем более. А где?

Лиза звякнула ключами.

— У меня в машине. Здесь на парковке.

По дороге я пытался вспомнить, как называлась его песня. В голове крутились три слова, и я не был уверен, что хотя бы одно из них правильное. Решил пока не петь.

***

Ваня первым открыл переднюю пассажирскую дверь. Наклонился, замер, потом выпрямился и посмотрел на соседнюю машину.

— Это наша?

— Наша, — сказала Лиза.

Он снова заглянул внутрь.

— А где…

— Сиденье? — помог я.

Саша подошёл с другой стороны от него. Они вдвоём рассматривали коврик, пакет с туфлями и две папки.

— Лиз, а сиденье-то где?

— После аварии сняли. Я же рассказывала.

— Я думал, ты про подголовник.

Саша зачем-то потрогал коврик.

Ваня провёл ладонью по затылку.

— Я не против сзади.

— Вы оба назад, — сказала Лиза. — Даня уже знаком с машиной.

Она забрала с пола папки, положила пакет с туфлями за водительское кресло. Я сел на порог, развернулся и кое-как втянул ноги. Колени оказались почти у подбородка. Попробовал опереться локтем на привычное место и чуть не лёг набок.

Сзади засмеялись.

С моего места хорошо было видно Боба Марли и нижний край бардачка.

Ваня уселся за мной, Саша — за Лизой. Лиза устроилась на водительском месте и положила ключи в сумку. Когда закрылись двери, снаружи ещё постоял какой-то человек. Он смотрел прямо на меня.

— Со стороны, наверное, как будто вы меня похитили.

Лиза наклонилась ко мне.

— Чего? Тебе тесно?

— Нет, нормально.

Я подумал, повторить ли про похищение. Пока думал, человек за стеклом ушёл.

***

Мы курили, передавая друг другу косяк. Ваня кашлянул, попросил воды. Я вспомнил про бутылку, купленную вечером, нашёл её у своих ног и передал назад. Он поблагодарил и некоторое время сидел молча, глядя на наклейки.

Без музыки разговаривать оказалось непривычно. Можно было не наклоняться к чужому уху. Я всё равно пару раз ответил слишком громко.

Саша спросил Ваню, правда ли на «Фабрике» их всё время снимали.

— А я откуда знаю, что они там оставили? Я себя по телевизору мало видел. Мама записывала, у неё надо спросить.

Мы немного посидели. Ваня покрутил бутылку, закрыл крышку и вернул мне.

— Хотя вот одну вещь жалко, что не сняли. У нас был отчётный концерт. Мне дали лирическую песню. Всё время говорили: «Не верим. Ты должен обращаться к конкретному человеку». А мне двадцать лет, я текст-то ещё не весь помню. Накануне стою, глажу рубашку и репетирую. Передо мной на доске брюки лежат. Я на них и смотрю. Выбрал конкретного человека.

Он сделал серьёзное лицо и протянул руку над моим плечом, будто там всё ещё лежали брюки.

— Смотрю на ширинку и говорю: «Я тебя никому не отдам».

Лиза засмеялась первой.

— И тут входит парень из нашей комнаты, — продолжил Ваня. — Стоит, слушает. Я его не вижу. Дохожу до припева, уже сам себе нравлюсь. А он говорит: «Вань, отдай. Мне в них через пять минут выходить».

Саша согнулся, упершись лбом в спинку Лизиного крес-

ла. Я засмеялся и ударился затылком о край бардачка. Это почему-то рассмешило всех ещё сильнее.

— Подожди, — сказала Лиза. — А в эфире ты потом на кого смотрел?

— На него. Он у камеры стоял. В этих брюках.

Ваня тоже смеялся. Теперь футболка свободно легла на живот, и он уже не пытался её одёрнуть.

— Нам сказали, что наконец получилось искренне. Только я весь номер боялся заржать.

— Это показывали? — спросил я.

— Концерт — да. Брюки в историю не вошли. Вы первые, кому я за долгое время про них рассказал.

Я попытался представить человека у камеры, за которого принимают песню о любви. Потом посмотрел на собственные колени. Одна штанина задралась почти до середины икры. Я потянул её вниз, другая задралась ещё выше.

— Даня, не суетись, — сказала Лиза. — У тебя сейчас самый дешёвый билет, но первый ряд.

***

Вылезать пришлось с помощью Саши. Он взял меня за руки, я упёрся ногой в порог и выбрался на парковку с таким видом, будто ремонтировал машину снизу. Ваня отряхнул мне спину. Я сказал спасибо.

Лиза заперла машину. По дороге к бару Саша начал что-то говорить и забыл на середине. Мы остановились подождать, пока он вспомнит. Не вспомнил никто.

Внутри музыка ударила сразу, ещё в дверях. Наш стол заняли стаканы и люди, которых я не помнил. Нам подвинулись. Кто-то узнал Ваню, попросил фотографию. Я уже собрался сказать, что он с нами, но он сам взял чужой телефон, вытянул руку и всех поместил в кадр.

Потом мы снова пили и танцевали. Лиза держала меня за запястье, чтобы я не потерялся между столом и танцполом. Саша что-то объяснял Ване, показывая руками размер предмета, который с каждым жестом становился больше.

Через несколько песен я наконец вспомнил тот припев. Наклонился к Ване и спел ему в ухо.

Он послушал, кивнул.

— Хорошая песня. Только не моя.

Лиза увидела моё лицо и согнулась от смеха. Я тоже засмеялся, потом потянул её обратно к танцполу.

YOUNG
&
HUNGRY

04:20.

Мы вышли из бара в холодную тёмную улицу. Лиза долго не могла попасть рукой в рукав. Я держал её куртку и смеялся, хотя ничего особенно смешного не происходило.

— Машину завтра, — сказала она. — Напомни мне завтра про машину.

В такси я показал водителю адрес, чтобы снова не объяснять, что нам нужно чуть дальше метро «Домодедовская».

Он увеличил изображение, кивнул и тронулся.

Я проверил телефон. Друзья писали из разных мест, словно их эвакуировали по отдельности. Мама спросила, устроился ли я. Время сообщения было вечернее.

Я начал ответ: «Всё хорошо, уже дома». Посмотрел на мелькавшие за стеклом фонари и стёр последнее слово.

В Twitter написал: *Rules are for the weak.*

Лиза заглянула в экран.

— О господи. Ты ещё и философ.

— А что?

— Ничего. Красиво. Дай руку.

Она положила мою ладонь себе на колено и прислонилась ко мне. От её волос пахло табаком и чем-то сладким. Я наконец замолчал.

На светофоре она подняла голову и поцеловала меня. Я ответил. Куртка сползла на пол.

Водитель поправил зеркало.

— Ребят, до дома потерпите.

Лиза засмеялась и спрятала лицо у меня на плече.

— Видишь, — шепнула она, — слабый человек. С правилами.

Я тоже засмеялся. Мне хотелось, чтобы он поскорее довёз нас, и одновременно — чтобы эта дорога не заканчивалась. Впервые за день от меня ничего не требовалось доказывать.

Дома Лиза долго возилась с замком. Мы мешали друг другу снять обувь и всё время целовались. На кухне я задел лок-

тем чашку. Она разбилась у стены.

Лиза отстранилась.

— Только это ещё убери.

— Потом.

— Сейчас. Я босиком.

Я нашёл веник и сгреб осколки. Маленький кусок с синим цветком закатился под батарею. Доставать его было неудобно, и я оставил.

В спальне она спросила:

— Ты вообще понимаешь, что я тебя к себе не для этого звала?

— Понимаю.

— Уверен?

Я кивнул. Она посмотрела на меня, словно собиралась сказать ещё что-то, потом сама потянулась ближе.

Под утро я лежал на спине и слушал, как в стене шумит вода. Рядом дышала Лиза. Свет с улицы делал комнату незнакомой: на стуле висела блузка, возле кровати лежал рабочий пропуск, на подоконнике стояла пустая банка из-под энергетика.

Мне было хорошо. Я хотел назвать это началом новой жизни и даже почти поверил, что за один день уже чего-то добился.

Потом Лиза села, нашарила телефон и выругалась.

— Мне через три часа выезжать.

— Куда? Суббота.

— Директор завтра прилетает. Сегодня площадку принимаем.

Она открыла рабочую переписку. Я видел, как меняется её лицо, но она заметила мой взгляд и снова улыбнулась.

— Спи. Ключ на тумбочке. Только дверь на верхний замок не закрывай.

— Может, не поедешь?

— Может, за меня?

Я прикрыл глаза.

Сон не шёл. Сердце билось слишком заметно. Лиза включила телевизор почти без звука и стала листать сообщения. Я взял телефон, посмотрел на приглашение на понедельник и поставил будильник.

Это успокоило меня больше, чем следовало.

И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ

Понедельник. 11:40.

В субботу я проспал почти весь день. В воскресенье мы с Лизой съездили за её машиной, поели, потом она села работать, а я начал готовиться к собеседованию.

Собрал ссылки на клипы, фотографии с концертов, несколько афиш. Рядом с должностью «ведущий» написал «организатор мероприятий». Подумал и добавил «продюсер». Удалил. Вернул.

Отдельного портфолио у меня не было. Всё хранилось в разных сообществах, переписках и папках. Я решил, что главное — нормально рассказать.

Лиза ушла рано. Я варил кофе, стоя на кухне в трусах и рубашке: боялся посадить пятно на брюки перед выходом. До встречи оставалось больше двух часов. Я успевал.

За спиной щёлкнул замок.

— Ты кто такой, блядь?

Я обернулся слишком резко и плеснул кофе на стол.

В дверях стояла девушка с дорожной сумкой. Короткие тёмные волосы, смазанная тушь под одним глазом, куртка расстёгнута. Она смотрела на меня без малейшего желания знакомиться.

— Данила. Друг Лизы.

— Почему ты без штанов?

— Я собираюсь.

— Вижу. Куда?

— На собеседование.

Она поставила сумку.

— А здесь ты что делаешь?

До меня наконец дошло, что это и есть Аня.

Лиза рассказывала: администратор клуба, на выходные уезжала помогать знакомым с открытием за городом. По телефону Лиза называла её «Караул» и смеялась. Сейчас мне было не смешно.

— Лиза разрешила пожить несколько дней. Я в пятницу прилетел.

— Мне она не разрешила об этом узнать?

— Наверное, забыла.

Аня сняла куртку. Под ней оказалась чёрная майка. Я машинально посмотрел на её грудь и сразу поднял глаза, но она заметила.

— Отлично. Просто отлично. Иди оденься.

Я ушёл в комнату. Было неприятно подчиняться у себя дома.

Когда я вернулся в брюках, Аня говорила с Лизой по телефону.

— Нет, ты меня послушай. Я прихожу домой, здесь человек. Я его не знаю. Он живёт третий день… Нет, Лиз. Не «всё нормально».

Я вытер кофе со стола. Аня перевела на меня взгляд, не

переставая слушать.

— И чашку кто разбил?

— Я, — сказал я. — Куплю такую же.

— Ты осколки под батарею тоже такую же купишь?

Я присел, нащупал кусок с цветком и достал. Положил в мусор.

— Извини.

Аня отвернулась к окну.

— Лиза, вечером решим. Мне сейчас надо поспать.

Она закончила разговор.

— Я не против лично тебя, — сказала она. — Я тебя вообще не знаю. Но здесь ещё и я живу.

— Понимаю.

— Хорошо бы.

Ушла в свою комнату и закрыла дверь.

Я допил холодный кофе. Проверил на телефоне дорогу, взял куртку, рюкзак с ноутбуком и вышел. Дорожная сумка осталась возле Лизиного шкафа.

В лифте попробовал улыбнуться своему отражению. Вид получился такой, будто я собирался просить прощения.

СОБЕСЕДОВАНИЕ

14:00. Новослободская.

В холле GLOBAL WORLD PR пахло кофе и новой мебелью. На белой стойке стояла ваза с зелёными яблоками. Я не понял, можно ли их брать.

Девушка за компьютером попросила назвать фамилию и показала на диван.

— Вас скоро пригласят.

Я сел, поставил рюкзак между ног и осмотрелся. На стене висели благодарственные письма. Названия компаний были такими знакомыми, что от этого мне стало не по себе. Их рекламу я видел в телевизоре. Теперь выяснялось, что её придумывают люди, которые могут в любой момент выйти из соседней двери.

Я поправил манжету. Дома рубашка казалась выглаженной лучше.

Из коридора вышел мужчина в кедах и с ноутбуком под мышкой. Девушка за стойкой что-то ему сказала, он засмеялся и пошёл дальше. Я посмотрел на свой галстук.

— Данила? Седьмой кабинет, пожалуйста.

Женщина за столом дочитывала письмо. Она подняла ладонь, попросив секунду, допечатала ответ и повернула ко мне монитор боком.

— Извините. Клиент. Меня зовут Марина. Я руковожу

группой проектов. Резюме коллеги передали, давайте поговорим.

Мне сразу стало легче. Раз руководитель, можно разговаривать по делу, без этих тестов про то, кем я вижу себя через пять лет.

— Вы только закончили университет?

— Да, но я уже давно работаю. Во время учёбы начал.

— Вижу. «Организация и продвижение мероприятий». Расскажите про одно. Которое считаете удачным.

Я выбрал большой концерт в родном городе. Рассказал про зал, привоз артиста, афиши, партнёров. Марина слушала и делала пометки.

— Сколько было гостей?

— Человек четыреста.

— Проданных билетов?

— Меньше. Были приглашения.

— Сколько меньше?

Я назвал цифру, потом поправился. Точно помнил, что зал выглядел полным. В тот момент это было важнее всего.

— А ваша зона ответственности?

— Почти всё. Программа, артисты, реклама. Сам вёл.

— Бюджет?

Я назвал общую сумму.

— Результат по деньгам?

— В плюс вышли.

— Примерно на сколько?

— Точную цифру сейчас не скажу. Площадка считала. Но все остались довольны.

Марина перестала писать.

— Вы организатор или ведущий, который помогал с продвижением?

Я почувствовал, как неприятно стало в груди.

— Это не взаимоисключающие вещи.

— Конечно. Я пытаюсь понять, что вы делали сами.

Я начал объяснять. Про владельца клуба, который считал кассу. Про то, что половину договорённостей мы заключали устно. Про партнёра, который давал звук, потому что мы потом бесплатно делали ему рекламу на другой вечеринке. Пока рассказывал, всё звучало мельче, чем было на самом деле.

А на самом деле я тогда почти неделю не спал. Сам встречал артиста, искал замену заболевшему диджею, таскал ограждения, когда не приехали грузчики. Но здесь меня спрашивали не об этом.

— Хорошо, — сказала Марина. — Представим, что клиент хочет закрытое мероприятие на триста человек. Через три недели. Есть бюджет, площадки пока нет. С чего начнёте?

Я оживился.

— Посмотрю площадки. Подберу артистов, концепцию. Можно предложить расширить бюджет, чтобы сделать заметнее.

— Зачем клиенту мероприятие?

— Это смотря какой клиент.

— Именно. Вы ещё не спросили.

Она произнесла это спокойно. Я услышал издёвку.

— Ну понятно, что сначала бриф. Я просто не проговаривал очевидное.

— Проговорите. Мне нужно понять, как вы думаете.

Я перечислил вопросы. На этот раз старался говорить медленнее. Потом она спросила о смете, согласованиях, резервной площадке. На часть я ответил. На часть начал отвечать и понял, что не знаю.

Марина взглянула на мои ссылки.

— Музыкальные видео — ваши?

— Да. Я сам и продвижение делал.

— Что считаете результатом продвижения?

Я назвал просмотры, концерты, приглашения.

— Это полезный опыт, — сказала она. — Но должность, на которую вы откликнулись, предполагает самостоятельное ведение клиента и бюджета. В резюме это выглядит как уже освоенная работа.

— Я освою. Если дадите возможность.

Она помолчала, посмотрела ещё раз в бумаги.

— У нас есть младшая позиция. Там больше координации, работы с подрядчиками. По деньгам ниже. Можно начать с неё.

Названная сумма была ненамного больше, чем Лиза платила за комнату.

— То есть таскать коробки?

— В том числе. Иногда все таскают коробки.

— Я четыре года этим занимался, чтобы опять начать с коробок?

Марина откинулась на спинку кресла.

— Тогда почему вы не можете объяснить, как считали результат своего проекта?

Я потянулся к стакану воды. Он оказался пуст.

— Потому что мероприятия — это не только ваши таблицы. Надо чувствовать людей.

— Нужно и то и другое.

— Я умею делать так, чтобы люди приходили.

— В своём городе, к знакомым артистам, на площадки, с которыми вы давно работаете. Здесь будут другие условия.

Она была права достаточно, чтобы я разозлился.

— Тогда зачем звали? В резюме город указан.

— Потому что мне был интересен ваш опыт. Я сейчас его выясняю.

— По-моему, вы выясняете, как объяснить мне, что я никто.

— Этого я не говорила.

Я уже понимал, что можно остановиться. Спросить о младшей должности. Попросить задание. Хотя бы закончить разговор так, чтобы меня запомнили без сожаления.

Вместо этого я вспомнил пустое сиденье в Лизиной машине, Аню на кухне, водителя с его вопросами. И решил,

что достаточно.

— Знаете, у вас полрынка делает рекламу, которую невозможно смотреть. Зато, видимо, таблицы хорошие.

Марина закрыла папку.

— На этом закончим.

— Я ещё не закончил.

— А я закончила. Спасибо, что приехали.

Тогда я сказал то, после чего уже нельзя было сделать вид, что просто разволновался:

— Да пошли вы.

За стеной кто-то засмеялся. Смех не имел ко мне отношения, но мне показалось, что имеет.

Я схватил рюкзак. Марина потянулась к телефону.

— Не надо охрану. Сам выйду.

Она ничего не ответила.

Девушка на ресепшене подняла голову.

— Всего доброго.

Я хотел сказать ей что-нибудь остроумное про место, в котором она работает. Во рту было сухо, ничего не придумалось.

Внизу, на улице, я достал сигарету и долго не мог прикурить. На экране висело сообщение от Лизы: «Ну как?»

Я набрал: «Не мои люди. Потом расскажу».

Отправил.

ДО СВИДАНИЯ, МИЛЫЙ ДРУГ

К Лизе я вернулся ближе к вечеру. В квартире никого не было. Я принял душ, повесил рубашку на спинку стула и открыл вакансии.

Должности были те же, требования — примерно те же. Я пролистал несколько объявлений, нашёл знакомую формулировку про бюджет и закрыл вкладку.

Вместо неё открыл YouTube. Посмотрел рекламный ролик Nike, потом наш клип. В нашем я заметил плохо склеенный кадр, который раньше не раздражал.

Позвонила мама.

— Как собеседование?

— Нормально. Разговариваем.

— Сколько платить будут?

— Пока не обсуждали.

Она стала рассказывать что-то домашнее. Я слушал, лёжа поверх покрывала. В её голосе было столько обычной жизни, что мне захотелось попросить говорить ещё. Но она сказала, что не будет отвлекать.

— Ты кушаешь там?

— Конечно.

После звонка я уснул.

В девять разбудила Лиза.

— Даник, ты где?

— Дома.

— Слушай… Я с Аней поговорила.

По тому, как она вздохнула, я уже понял продолжение.

— Она попросила, чтобы ты сегодня съехал.

Я сел.

— Сегодня?

— Да. Я же говорила, что надо с ней обсудить.

— Ты говорила: первые дни точно.

— Ну, первые дни прошли.

Я посмотрел на сумку возле шкафа. Бирка всё ещё держалась.

— Лиз, я сейчас куда поеду?

— У тебя друзья здесь. Саша, например.

— Ты же могла раньше сказать.

— Я весь день пыталась решить. Ты думаешь, мне приятно? Аня хозяйку подключила. Я сама тут снимаю, если ты забыл.

Она помолчала.

— И ты зря с ней так утром.

— Как — так? Я извинился.

— Я не знаю, Даня. Меня там не было.

— Вот именно.

Мы оба молчали. Я слышал, как рядом с ней кто-то произнёс название ресторана.

— Я думала, это будет проще, — сказала Лиза.

Мне хотелось спросить, что именно. Мой приезд? Наша

ночь? Или возможность помочь, не меняя собственной жизни?

— Хорошо, — сказал я. — Уеду.

— Ключ оставь на кухне. И напиши, как устроишься.

Я положил телефон.

Саша ответил не сразу. У него была девушка и однокомнатная квартира. Он предлагал спросить знакомых, но пока не знал кого. Ещё один приятель мог принять завтра. Я открыл список контактов и несколько секунд смотрел на имя Антона.

Потом позвонил.

— Василий! Живой?

Я объяснил, стараясь, чтобы это звучало как временное неудобство.

— Приезжай, — сказал он. — У меня перекантуешься.

Я выдохнул.

— Спасибо. Куда ехать?

— Я пока в центре. К полуночи у ЦУМа. Главный вход. Потом ко мне.

Он говорил из машины, часть слов съел гул дороги. Я переспросил, он повторил. Мне показалось, что я всё понял.

Собирался дольше, чем рассчитывал. Вещей было мало, но они уже успели расползтись: зарядка на кухне, носки у кровати, зубная щётка в стакане рядом с Лизиной. Щётку я почему-то вытер полотенцем, прежде чем убрать.

Когда застёгивал сумку, в коридоре повернулся ключ.

Аня пришла с парнем в синем спортивном костюме Everlast. Он молча посмотрел на меня, потом на багаж.

— Уже ухожу, — сказал я.

— Хорошо, — ответила Аня. — Ключ оставил?

Я показал на кухню.

Парень отступил, пропуская меня к двери. Никакой угрозы в его движении не было, но я всё равно постарался не задеть его сумкой.

В лифте оторвал багажную бирку. Подержал в руке и сунул в карман.

ГУМ, ЦУМ

23:50. Красная площадь.

Я стоял у ГУМа с рюкзаком на спине и сумкой в руке. Днём эта комбинация означала путешествие. Ночью — что мне некуда идти.

Сквозь подошвы тянуло холодом. Я вспомнил мамино «кушаешь там?» и понял, что с утра пил только кофе.

Антон позвонил в начале первого.

— Ты где?

— У главного входа. Замёрз уже.

— Перейди на другую сторону, я сейчас припаркуюсь.

Я посмотрел на площадь.

— На какую другую?

— К барам.

— Тут нет баров.

Пауза.

— Василий. Ты у ГУМа, что ли?

Я закрыл глаза.

— Ты сказал ГУМ.

— Я сказал ЦУМ. Центральный. Универсальный. Ты там все универмаги решил обойти?

— Антон, я голодный. Давай без этого.

Он перестал смеяться.

— Ладно. Иди сюда. Поешь. Я рядом сяду, адрес скину.

Мне хотелось накричать на него. За то, что Лиза попросила съехать, Марина не взяла на работу, а я перепутал две буквы. Вместо этого сказал:

— Спасибо.

На Никольской я переставил сумку в другую руку. Телефон показывал дорогу и почти пустую батарейку. Я убавил яркость экрана.

Чем ближе к Кузнецкому Мосту, тем чаще попадались люди, которым было куда идти. Из открытой двери бара вышла девушка в чёрном платье. Остановилась у стены и закричала в телефон:

— Ты мне полчаса назад сказал, что едешь!

Я прошёл бы мимо, но она стояла почти на дороге.

— Нет, не надо мне про работу! Ты даже врёшь как-то лениво, ты понимаешь? Алло? Алло, блядь!

Она посмотрела на погасший экран, потом на меня.

— Что?

— Ничего.

— Очень смешно?

— Я не смеюсь.

С близкого расстояния было видно, что она плакала. Под глазами блестели тёмные полоски. Дорогой пояс стягивал платье слишком туго; она сунула под него пальцы, словно ей было трудно дышать.

— Все вы не смеётесь. А потом у вас: «Да ладно, чего ты».

— Вам такси вызвать?

Она неожиданно приблизилась.

— Тебя как зовут?

— Данила.

— Ну конечно.

Я ждал, что она объяснит, почему конечно.

— Слушай, Данила. Вот если человек говорит, что хочет меня видеть, а сам…

Она замолчала и снова набрала номер. Ждала, глядя мне в лицо. Потом коротко засмеялась.

— Ну да. Уже занят.

Из бара высунулась другая девушка, позвала её. Та отмахнулась.

— Специально приехала. Дура.

Она взялась за край платья, и я сначала решил, что поправляет его. Потом увидел, что она стягивает бельё. Мне стало неловко настолько, что я отвернулся.

— Вот. Хотел праздник — получи праздник.

Она ткнула скомканную чёрную ткань мне в грудь. Я отступил, бельё упало на сумку и соскользнуло на тротуар.

Несколько секунд мы оба смотрели вниз.

— Да пошёл ты, — сказала она уже тихо.

Подняла бельё, сжала в кулаке и ушла в бар. В дверях едва не столкнулась с той девушкой, которая её звала.

Я стоял и не понимал, что именно сейчас со мной произошло. Ещё утром казалось, что самый неприятный разговор дня уже состоялся.

Телефон зазвонил.
— Василий, ну ты где? Я уже заказал.
— Еду?
— И еду тоже. Подходи.

НИКОГДА НЕ СПИТ

00:40. Бар без вывески.

Антон прислал адрес в одном из переулков недалеко от ЦУМа. Перед самым поворотом телефон выключился. Последний кусок дороги я прошёл по памяти.

Дверь нашёл по курящим людям. Внутри играла музыка, но никакой пятничной толпы не было: несколько компаний, двое у стойки, девушка одна за столиком. Антон разговаривал с барменом как с давним знакомым.

Увидев меня, поднял обе руки.

— Добрался! Ставь вещи сюда.

Я сунул сумку под высокий стол и только тогда почувствовал, как болит плечо.

Перед Антоном стояло три маленьких стакана.

— За опоздание, — сказал он.

— Я бы сначала поел.

Он посмотрел на меня, махнул бармену.

— Дружище, что там с бургерами?

Потом подвинул стаканы к себе.

— Ладно. Рассказывай.

Я начал с собеседования. Сначала почти честно. Потом заметил, что Антон улыбается на местах, где я передразниваю Марину, и добавил ей пару реплик. К концу она у меня уже орала, ничего не понимала в рекламе и собиралась вы-

звать охрану за то, что я сказал правду.

Предложение младшей должности я пропустил.

— Правильно, — сказал Антон. — Нехуй позволять.

Принесли еду. Я откусил слишком большой кусок, обжёгся и всё равно продолжил жевать. Антон сделал вид, что не заметил.

За это я был ему благодарнее, чем за выпивку.

— Деньги у меня сейчас… — начал я, когда смог говорить.

— Ты выиграл пари, забыл? Пять тысяч. Так что ешь, отдыхай.

— Можно было просто отдать пять тысяч.

Он рассмеялся.

— Можно. Но тогда бы ты сидел один в какой-нибудь гостинице и ненавидел жизнь. А тут компания.

Я не стал говорить, что сейчас гостиничный номер показался бы мне прекрасным местом.

— У тебя точно можно пожить?

— Можно. Диван есть. Завтра всё обсудим.

Я допил воду. Потом взял один из оставшихся стаканов.

После еды стало тепло и легче. Я начал замечать музыку. Антон представил меня двум девушкам, с которыми успел познакомиться, пока я ходил между универмагами.

Алина и Ангелина. Обе закончили журфак, обе уже работали. Алина жаловалась на редактора, который прислал правки в половине одиннадцатого. Ангелина слушала, поло-

жив подбородок на ладонь.

— Даня у нас артист, — объявил Антон. — Только приехал. Устраивается покорять.

— А что поёшь? — спросила Ангелина.

— Рэп.

— Давай послушаем.

Я достал телефон и вспомнил, что он разряжен.

— Потом. Тут всё равно не слышно.

Она кивнула. Не стала просить ещё раз. Мне неожиданно захотелось, чтобы стала.

Я рассказал историю с девушкой у бара, но без последних секунд, когда она подбирала бельё. В моей версии она оставалась просто сумасшедшей. Так было смешнее.

Антон смеялся громче всех. Когда я дошёл до фразы про праздник, он на секунду перестал. Потом спросил, что будем пить дальше.

Мы просидели ещё пару часов. Людей стало меньше, музыка — громче. Я танцевал с Ангелиной на маленьком пятачке возле стойки и поймал то знакомое чувство, ради которого выходил на сцену: сейчас на меня смотрят, сейчас я существую правильно.

Уже не важно было, что утром я снова открою вакансии.

Около трёх Антон предложил ехать к нему. Девушки переглянулись. Алина сказала, что ненадолго.

— Все так говорят, — ответил он.

Ангелина спросила меня:

— Ты тоже?
— Я там живу.
Сказал — и сам услышал, как быстро устроился.

ПАРКОВКА

Антон шёл впереди с Алиной. В руке держал недопитую бутылку шампанского, которую ему разрешили забрать. Я нёс сумку, Ангелина — мою куртку. С ней было легко молчать, и я впервые за вечер не пытался её развлекать.

— Ты правда из-за работы приехал? — спросила она.

— А из-за чего ещё?

— Не знаю. Ты про музыку интереснее рассказываешь.

Я хотел ответить, но Антон уже показывал вперёд:

— Вот она, моя ласточка.

Серый Mercedes ML стоял у края парковки. Рядом с ним, обхватив себя руками, ждала девушка в чёрном платье.

Я узнал её раньше, чем она подняла лицо.

Антон остановился. Алина прошла ещё шаг и потянула его за рукав.

— Что?

Девушка посмотрела на неё, потом на бутылку.

— Работаешь?

Антон поставил бутылку на асфальт.

— Наташ, давай без этого.

— Без чего?

Она подошла. Увидела меня, на секунду задержала взгляд, но сейчас я её не интересовал.

— Ты сказал, что в клинике. Что у отца что-то случилось.

— Я сказал, что занят.

— Ты совсем уже?

Алина отпустила его рукав.

— Антон, это кто?

Он выдохнул и обернулся к нам с привычной улыбкой, которая теперь держалась на лице отдельно от всего остального.

— Господа, небольшой перформанс. Сейчас разберёмся.

Наташа ударила его ладонью в грудь.

— Я тебе звонила. Я знала, где машина. Ты думал, я не дождусь?

— Успокойся.

— Не трогай меня!

Она отдёрнула руку, когда он попытался взять её за локоть. Алина сказала, что уходит, и шагнула в сторону. Наташа резко повернулась к ней.

— А ты довольна?

— Я вообще не знала…

Наташа вцепилась ей в волосы.

Всё произошло быстрее, чем я успел поставить сумку. Алина вскрикнула, согнулась. Ангелина бросилась к ним, я следом. Антон схватил Наташу за запястье, та ударила его свободной рукой по лицу.

Он дал ей пощёчину.

Звук был короткий, сухой. Наташа отшатнулась и ударилась бедром о крыло машины. Я схватил её за плечо, чтобы

не упала. Она резко вырвалась.

Никто ничего не сказал.

Антон провёл рукой по щеке. У него под глазом осталась царапина.

— Довольна? — спросил он.

Наташа смотрела на него, прижав ладонь к лицу. Весь её прежний шум куда-то пропал. Мне вдруг стало намного хуже, чем когда она кричала.

Алина поправляла волосы дрожащими руками. Ангелина стояла рядом с ней, спрашивала, больно ли.

— Ты понимаешь, что ты сделал? — сказала Наташа.

— А ты?

Я открыл рот. Хотел сказать, чтобы он хотя бы сейчас заткнулся. Не сказал.

Наташа сняла туфлю и бросила ему в голову. Антон увернулся; туфля ударилась о машину. Сигнализация завыла, и все вздрогнули.

Он нажал кнопку на ключе.

— Всё. Поехали.

— Я с тобой никуда не поеду, — сказала Алина.

Антон посмотрел на неё так, словно именно она сейчас создавала проблему.

Ангелина достала телефон.

— Мы вызовем машину.

Я поднял куртку: она уронила её, когда бросилась разнимать. Потом поднял сумку.

— Даня, — позвала Ангелина. — Ты с нами?

Можно было поехать с ними. Можно было попросить зарядить телефон, найти недорогую гостиницу. Денег ещё хватало. Мне не хотелось тратить их на ночь, которой, как я считал, меня лишили другие люди. И не хотелось при всех признавать, что фраза «я там живу» уже успела стать ложью.

Антон открыл водительскую дверь.

— Василий. Ты едешь?

Я посмотрел на Ангелину.

— Я ему обещал.

Она ничего не ответила. От этого стало ещё неприятнее.

Наташа сидела на низком ограждении. Одна туфля оставалась у машины. Я поднял её и поставил рядом с Наташей. Она не посмотрела на меня.

Потом я сел к Антону.

ДОРОГА

Он завёл двигатель, сразу включил музыку и убавил её почти до нуля.

— Видел? — спросил, выезжая с парковки.

Я пристегнулся.

— Ты выпил.

— Я нормально.

— Можно такси.

Антон раздражённо посмотрел на меня.

— Не начинай, пожалуйста. Хоть ты.

Я замолчал. Машина пошла быстрее. Сумку, которую я поставил у ног, прижало к голени на повороте.

— Это каждый раз, — сказал он через минуту. — Звонки, проверки. Я уже сказал ей, что всё. Сколько можно?

Я не знал, говорил ли он ей это. Я слышал только, как она повторяла: «Ты сказал, что в клинике».

— Ты её ударил, — произнёс я.

Он потрогал царапину.

— А это что? Она на девчонку кинулась, потом на меня. Надо было стоять?

Я смотрел на дорогу. Белая разметка исчезала под капотом. На секунду мне показалось, что мы слишком близко подошли к машине впереди. Антон затормозил, что-то пробормотал и перестроился.

Весь вечер я рассказывал, как не позволил чужому человеку разговаривать со мной свысока. Теперь подбирал слова так, чтобы не обидеть человека, у которого собирался ночевать.

Антон вздохнул.

— Извини. Испортили тебе вечер.

Я мог промолчать.

— Да ладно, — сказал я.

Он кивнул и прибавил музыку.

КВАРТИРА АНТОНА

Вторник. 13:00.

Я проснулся от чужого телефонного разговора.

— Да, пап. Помню… Сейчас выезжаю. Нет, всё нормально.

Антон стоял у окна. Под глазом у него краснела царапина. На столе лежали ключи от машины, рядом заряжался мой телефон.

— Кофе будешь? — спросил он, закончив разговор.

Я сел. Во рту было сухо. События ночи вспоминались отдельными кусками, и между ними хотелось оставить побольше места.

— Буду.

— Полотенце в ванной. Синее. Только сначала воду пропусти, тут она почему-то не сразу горячая.

Он пошёл на кухню. Я взял телефон. Мама, Саша, Лиза. Ни одного сообщения, которое могло бы объяснить, чем заниматься дальше.

На журнальном столике лежал пульт, под ним — женская резинка для волос. Я передвинул её, освобождая место телефону.

Антон вернулся с двумя чашками.

— Что у тебя сегодня?

— Работу искать.

— Давай. А я поеду, пока отец не начал меня искать.

Мне хотелось спросить, нет ли у него знакомых, которым нужен человек. Но после вчерашнего рассказа о том, как я послал целое агентство, вопрос застрял.

— Ключи вечером сделаю, — сказал Антон. — Запасных нет. Пока, если выходишь, захлопывай. Только маленькую защёлку не трогай.

Он показал, какую именно.

Через минуту дверь закрылась. Я остался сидеть с чашкой, которую некуда было поставить: телефон, пульт, резинка, пустой стакан с окурком.

Лиза написала: «Ты устроился?»

«Да. Всё хорошо».

Потом я открыл вакансии.

ТРЕТИЙ РАЗ

Первое письмо я составлял сорок минут. Рассказал про опыт, проекты, музыку, умение работать с аудиторией. Прочитал. Получилось, что человеку с такими способностями вообще незачем искать работу.

Сократил наполовину и отправил.

До вечера ушло ещё одиннадцать откликов. Два посмотрели. На один ответили отказом, настолько быстрым, что я перечитал собственную фамилию: вдруг опечатался.

Отдельно написал нескольким клубам. Один арт-директор спросил, сколько людей я могу привести.

Я начал перечислять, где выступал.

«В Москву сколько приведёшь?»

На этом переписка закончилась.

На следующее собеседование я пришёл без галстука. Девушка предложила мне продавать участие в деловых конференциях. В объявлении стояло «менеджер мероприятий». Она терпеливо объяснила, что звонить по базе — тоже работа с мероприятиями.

— У нас хороший процент.

— А оклад?

Она назвала сумму. Я спросил, сколько обычно получается вместе с процентом.

— Всё зависит от вас.

Через двадцать минут мы попрощались. На улице я впервые не стал сразу придумывать, какой остроумный рассказ получится из этой встречи.

Третье собеседование назначили на понедельник.

Компания называлась «Пятый элемент». В письме было написано: «Вход со двора, второй этаж, если дверь закрыта — звоните». Я прошёл мимо мусорных контейнеров, поднялся по лестнице и увидел картонную стрелку, приклеенную скотчем.

На двери висел распечатанный логотип. Изнутри кто-то кричал:

— Потому что вы нам прислали не тот размер! Нет, я не могу растянуть баннер!

Мне открыл худой парень с кружкой.

— Ты к Олегу? Заходи. Только на эту коробку не наступай.

В комнате стояли четыре стола. На одном лежал разобранный макет сцены, на другом сохла чья-то футболка. В углу было сложено столько одинаковых пакетов, что я невольно начал считать ряды.

Олег оказался мужчиной лет сорока в хорошем пиджаке и домашних тапочках. Он заметил мой взгляд.

— С утра разгрузка была. Промок. Садись.

Он открыл резюме.

— Сам мероприятия собирал?

— Да. И вёл.

— Что конкретно делал?

На этот раз я не сказал «всё».

Рассказал, как договаривался с клубами, собирал программу, встречал артистов. Где считал сам, а где деньгами занималась площадка. Пока говорил, Олег отвечал кому-то в почте, но один раз остановил:

— Артист опоздал на сколько?

— Почти на час.

— И что делал?

— Диджею продлил сет. Потом сам вышел, раздал призы от партнёра. Двое в первом ряду уже орали, что их наебали.

Олег наконец посмотрел на меня.

— Ну, хоть живой человек. А то сегодня уже приходили два директора фестивалей. Один не знал, что такое разгрузка.

Из соседней комнаты высунулась женщина с телефоном.

— Олег, они хотят ещё один вариант оформления.

— Они первый оплатили?

— Они хотят ещё один вариант оформления, — повторила она.

— Понял.

Он повернулся ко мне:

— Через месяц партнёрский вечер у большого клиента. Нам нужен человек в помощь проектному. Подрядчики, списки, выезды. Иногда коробки. Иногда ночью. Сможешь?

Я вспомнил Марину.

— Смогу.

— Пятьдесят тысяч в месяц. Сначала посмотрим друг на друга, дальше можно расти. У нас осень, потом новогодка. Работы будет до жопы.

Пятьдесят тысяч я мысленно разделил на аренду, еду и всё остальное. Остального получилось немного, но оно хотя бы существовало.

— Оформление как?

— Пока никак. Деньги наличными. Два раза в месяц. Если сработаемся, после сезона вернёмся к вопросу.

Я посмотрел на стол, где лежало моё резюме. Очень хотелось, чтобы на нём появилась какая-нибудь подпись, печать, что угодно, после чего можно уверенно сказать маме: взяли.

— То есть это постоянная работа?

— Данила, мне нужен человек надолго. Каждый месяц новых учить я заебусь.

Он произнёс это устало, почти с раздражением. Мне показалось, такая усталость убедительнее обещаний.

Олег позвал парня, который открыл дверь.

— Миша, забирай. Завтра с вами на площадку.

Миша посмотрел на меня, потом на Олега.

— На этот проект?

— Для начала на этот. Дальше разберёмся.

Я услышал «для начала».

РАБОТА С АУДИТОРИЕЙ

Миша был примерно моего возраста. Носил простые джинсы, серую толстовку и совершенно не выглядел человеком, которому поручают что-то интересное.

В половине восьмого следующего утра он уже ждал меня у входа на площадку.

— Ты ел?

— Нет.

Он достал из пакета булку.

— На. Потом некогда.

Я хотел отказаться, но взял.

Первые два часа мы ходили с администратором по пустому залу. Обсуждали, где будут стоять столы, куда выгружать оборудование, когда можно начинать монтаж. Я предложил поставить сцену у дальней стены: от входа она смотрелась лучше.

— А персонал как будет ходить? — спросил Миша.

— Там же дверь.

— Это и есть дверь на кухню. Перед тобой весь вечер будут носить горячее.

Я кивнул, будто проверял его.

Потом он попросил записать размеры прохода. Я записал ширину. Через десять минут выяснилось, что нужна ещё высота: конструкция могла не пройти.

Каждая такая мелочь казалась придиркой ровно до того момента, когда становилось понятно, зачем она нужна.

В офисе меня посадили за свободный компьютер. Я обзвонил подрядчиков, составил таблицу и отправил Мише.

Он подошёл.

— У тебя тут аренда на сколько дней?

— На мероприятие.

— А монтаж?

— Ну, я думал, входит.

— Они сказали, что входит?

Я посмотрел на телефон.

— Сейчас уточню.

Он не вздохнул, не закатил глаза. Просто подождал рядом, пока я дозвонюсь. От этого было хуже.

К концу недели я знал, что «да, всё сделаем» не отвечает ни на один полезный вопрос. Что последняя версия списка гостей может оказаться предпоследней через три минуты. Что слово «согласовано» без имени человека, который согласовал, вообще ни хера не означает.

Однажды я отправил поставщику старый вариант надписи для баннера. Заметил сам, через двадцать минут. Позвонил, попросил остановить. Не успели напечатать.

Мише признался только вечером.

— Почему сразу не сказал?

— Исправил же.

— А если бы не успел? Я бы узнал на монтаже?

Я пожал плечами.

— Косячить будешь, — сказал он. — Все косячат. Только не прячь. Мне потом это вместе с тобой разгребать.

На следующий день я завёл отдельную папку для утверждённых файлов. Никому об этом не рассказал.

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Антон позвонил, когда я сидел на полу офиса и раскладывал бейджи по алфавиту.

— Ты чего делаешь?

— Работаю.

— Я понял. Что делаешь?

Я объяснил.

— Ебать. Международная карьера. Выходи, я рядом.

— Мне закончить надо.

— Сколько?

— Полчаса.

Он приехал через сорок минут с двумя стаканами кофе. Один поставил рядом со мной, посмотрел на бумажки.

— Куда меня пристроишь?

— Фамилию называй.

Он сел на коробку и начал подавать конверты. Путал буквы, мешал, рассказывал про отца, который нашёл в счёте ошибку на двести рублей и устроил совещание на час. Я смеялся и перекладывал за ним.

Когда вышли, было почти одиннадцать.

— Домой? — спросил я.

— Поедим сначала.

За ужином Антон пересказал нашу работу с бейджами официантке так, что она тоже засмеялась. Мне нравилось,

как легко рядом с ним незнакомые люди начинали вести себя как знакомые.

В соседнем зале за большим столом отмечали что-то с шампанским. Каждые несколько минут к ним подходил сотрудник ресторана, наклонялся, выслушивал и быстро уходил. Мужчина в расстёгнутой рубашке махал ему рукой, даже не поворачивая головы.

Я увидел сумму на чеке, когда папку случайно раскрыли у нашего столика. Подумал о зарплате. Потом посмотрел ещё раз: не перепутал ли разряды.

— Ты чего? — спросил Антон.

— Ничего.

— Расслабься. У нас скромнее.

Он уже понимал, куда я смотрю.

Мы стали выбираться вместе пару раз в неделю. Иногда всего на час. Иногда час заканчивался завтраком.

В одних местах всё ещё хотели золота, огромных букетов и чтобы про приход важного гостя узнал весь зал. В других стены оставляли голыми, официанты носили кеды, а важного гостя демонстративно не замечали. Антон одинаково уверенно чувствовал себя и там и там. Я сначала принимал второе за отсутствие правил, потом начал замечать, как внимательно люди разглядывают друг друга.

У одного входа не пустили парня в безупречном костюме. Перед нами прошёл человек в растянутой футболке. Я знал, что дело не в футболке, и всё равно на следующий день долго

выбирал себе футболку.

Однажды в гостях Антон исчез с двумя знакомыми. Вернулся разговорчивый, с неподвижной улыбкой. Я видел, что у них было на столе в маленькой комнате, когда ходил искать туалет.

Позже зашёл туда сам.

Наутро в офисе чужие разговоры раздражали до тошноты. Я трижды перечитал короткое письмо и не понял, что от меня требуется. Миша спросил, заболел ли я.

— Не выспался.

— Сегодня лучше выспись. Завтра выезд в семь.

Я хотел сказать, чтобы он не учил меня жить. Вместо этого записал время.

В тот вечер отказал Антону. Он предложил заказать еду домой и показать фильм, который я якобы обязан был видеть.

Через полчаса после начала я уснул. Проснулся уже под пледом, телевизор работал без звука. Антон сидел на кухне и с кем-то переписывался.

Про Наташу мы не говорили.

СВОИ ДЕНЬГИ

— Есть подработка, — сказал Антон в воскресенье за завтраком. — Только не начинай сразу про занятость.

Я отложил вилку.

Его знакомый Роман хотел устроить день рождения. Снять зал, позвать друзей, диджея, сделать что-нибудь поинтереснее обычного ужина. Организаторов, по словам Антона, уже посмотрели, но те прислали презентацию, где половину стоимости объясняло слово «концепция».

— Ты же такое умеешь.

— Сколько человек?

— Ну, человек шестьдесят. Может, восемьдесят.

— Где?

— Подберём.

— Бюджет?

Антон улыбнулся.

— Посмотрите на него. Уже вопросы задаёт.

Мне стало приятно. Я постарался, чтобы он не заметил.

Мы встретились с Романом вечером. Он оказался спокойным человеком лет тридцати с усталым лицом. Долго выбирал чай, извинился за рабочий звонок. Мне он понравился.

— Мне не надо, чтобы ведущий орал, — сказал он. — И никого не заставлять раздеваться, танцевать с шариками, вот это всё. Просто чтобы хорошо прошло.

Я уточнил, кто придёт, знают ли гости друг друга, будет ли семья. Записал пожелания. Антон первое время пытался помогать, потом замолчал.

— За твою работу сколько? — спросил Роман.

Я приготовился назвать пятнадцать тысяч. Антон под столом толкнул меня коленом.

— Двадцать пять, — сказал я.

Роман кивнул.

Никакого торга. Я даже почувствовал раздражение: можно было больше.

Следующие две недели я днём работал в агентстве, вечером занимался днём рождения. Никому в офисе не говорил, что у меня свой клиент. Боялся, что будут спрашивать — либо почему отвлекаюсь, либо что именно придумал. Второго почему-то боялся сильнее.

Антон помогал с гостями и встречами. Когда я показывал ему варианты площадок, он выбирал самую красивую. Я объяснял, почему неудобно. Иногда он соглашался.

За три дня до вечера Роман прислал новый список. Вместо шестидесяти восьми человек стало восемьдесят четыре.

Раньше я бы ответил: «Без проблем».

Теперь переслал площадке, позвонил и пересчитал рассадку. Потом написал Роману, что изменится по стоимости. Он ответил одним словом: «Ок».

Я ещё минуту смотрел на экран. И всё? Можно было просто спросить?

На самой вечеринке всё всё равно пошло не по плану.

Двое гостей пришли с людьми, которых никто не ждал. Диджей не мог найти вход для разгрузки. Роман решил, что речь будет говорить не после горячего, а сейчас, когда половина зала разошлась курить.

Я задержал его на пять минут, попросил официантов пока не уносить бокалы и вывел микрофон на нужную громкость. Это я умел. По первым лицам понял, кто будет слушать, кто начнёт перебивать, кому стоит дать слово, чтобы потом не отбирать.

Когда Роман закончил, его отец неожиданно поднялся из-за стола. Не было ни заготовленной речи, ни согласованного выхода. Я подошёл с микрофоном и остановился рядом, не торопя.

Он сказал несколько обычных слов. На последнем запнулся.

Роман поднял голову, и я увидел, что они оба стараются не смотреть друг на друга слишком долго.

В этот момент не хотелось ни шутить, ни спасать паузу. Я просто подождал.

Потом был шум, музыка, гости, которым всё время что-то требовалось. Но именно эту минуту я вспоминал, когда ночью пересчитывал деньги.

Роман рассчитался полностью. Сказал спасибо, попросил оставить номер.

Антон стоял рядом.

— Я ж говорил, нормальный парень, — сказал он Роману.

Потом, уже на улице, толкнул меня плечом.

— Ну что, продюсер? Получилось?

— Получилось.

Он улыбнулся без обычной насмешки. Мы вызвали такси и поехали есть. В этот раз заплатил я.

КЛЮЧ

Комнату я нашёл через объявление в интернете. Владелица квартиры сама показывала её и заранее предупредила, что вечеринок не будет.

— Я не устраиваю, — сказал я.

Потом подумал, что это теперь довольно странный ответ для человека моей профессии.

В соседней комнате жил мужчина, который занимался ремонтом телефонов. Он вышел поздороваться, пожал руку и спросил, курю ли я.

— На улице.

— Тогда нормально.

Комната стоила двадцать тысяч. Ещё столько же — залог. Внутри были диван, шкаф, стол и тяжёлая штора, под которой пряталась батарея. Из окна видно соседний дом. До метро идти, как выяснилось, не восемь минут из объявления, а почти пятнадцать, если не изображать бегуна.

Я отдал деньги из первой выплаты агентства и гонорара за день рождения. На столе осталась тонкая стопка, и хозяйка пересчитала её дважды.

Мне хотелось сказать, что я сам заработал. Я не сказал.

Антон привёз вещи в воскресенье. По пути мы купили чайник, два полотенца и почему-то шесть одинаковых стаканов.

— На новоселье, — объяснил он.

— Здесь нельзя вечеринки.

— Вдвоём можно.

Он осмотрел комнату, проверил, открывается ли окно.

— Нормально. Только штору убери от батареи, а то тут зимой задохнёшься.

Я поставил сумку у шкафа. Рядом лежал свёрнутый кабель от ноутбука. Всё моё имущество снова помещалось в одном углу, но теперь этот угол был оплачен.

Мы поели на кухне. Сосед пришёл за водой, посмотрел на коробку из-под чайника и спросил, нужна ли она нам. Забрал для каких-то деталей.

Когда Антон уехал, я закрыл дверь своей комнаты. Открыл. Снова закрыл.

Ключ немного заедал.

Я положил его на стол, снял куртку и лёг, не разуваясь. Потом всё-таки встал и разулся. Здесь больше некому было делать мне замечания, и эта простая мысль почему-то заставила аккуратно поставить ботинки.

Позвонил маме. Показать комнату было нечем, поэтому описывал: светлая, нормальный сосед, недалеко от метро.

— А хозяева хорошие?

— Нормальные.

— Ты главное спи нормально. Голос у тебя усталый.

— Работаю же.

Произнести это было приятно.

После разговора открыл старую папку с музыкой. Включил минус, под который собирался написать трек ещё до переезда. Несколько минут слушал, потом остановил: за стеной сосед разговаривал по телефону, на кухне шумела вода.

В блокноте написал две строчки. Обе звучали так, будто я пытаюсь убедить кого-то, что у меня всё получилось.

Зачеркнул. Поставил чайник.

СЕЗОН

Первый большой клиентский вечер прошёл в четверг. Я приехал на монтаж до рассвета. В кармане лежали два распечатанных списка, ручка, зарядка и ключ от комнаты. У входа уже ждал Миша.

— Ел?

— Ел. Тебе взял.

Протянул пакет. Он кивнул и сунул его в рюкзак.

Вечером у гардероба начала собираться очередь. Я заметил раньше, чем позвонил Миша. Попросил администратора добавить человека, передвинул стол регистрации, чтобы люди не перекрывали проход. Потом нашёл гостя, которого уже третий раз искали по залу: он стоял на лестнице и заканчивал разговор.

Клиент поблагодарил Олега. Олег поблагодарил команду. На общей фотографии я стоял с краю и держал чью-то рацию.

На следующий день мне дали другую задачу. Потом ещё одну.

К декабрю я перестал каждый вечер ждать, что кто-нибудь обнаружит ошибку и объяснит, почему меня вообще зря взяли. Теперь я сам звонил людям и объяснял, что они прислали не то.

На столах появились коробки с ёлочными игрушками,

списки подарков, образцы лент. В офисе пахло картоном, кофе и клеем. Олег ходил между столами с телефоном, обещая разным людям несовместимые вещи. Миша записывал обещания, чтобы потом хотя бы понять, что из них важнее.

Иногда мы обсуждали стоимость одного выхода артиста дольше, чем весь мой месячный заработок. Потом Олег мог десять минут спорить из-за доставки за полторы тысячи. Я уже не удивлялся: это были разные разговоры, с разными людьми.

Мне платили пятьдесят тысяч в месяц. Два раза выдавали деньги, я расписывался в получении и убирал их во внутренний карман. Про трудовой договор спросил ещё раз в ноябре.

— После сезона, — ответил Олег. — Сейчас не до этого.

В декабре действительно было не до этого. За день я успевал побывать на двух площадках, вернуться в офис и обнаружить, что там всё ещё сидят те же люди, только едят уже другую еду.

Антон иногда забирал меня поздно вечером. Мы заезжали куда-нибудь поесть, и он спрашивал:

— Ну что сегодня? Кого видел?

Я называл артиста или телеведущего. Антон чаще всего говорил, что тот в жизни ниже или толще.

— Ты как будто только это в людях замечаешь.

— Ещё деньги. Но тебе про деньги нельзя, ты начинаешь считать.

Я смеялся. Считать я действительно начинал.

Свою комнату оплачивал вовремя. Иногда покупал вещи, которые до переезда просто добавлял в закладки. Маме по телефону сказал про зарплату, и она переспросила:

— Пятьдесят? Каждый месяц?

— Ну да.

— Это хорошо, Данечка. Это очень хорошо.

Она передала телефон отцу. Он спросил, не задерживают ли.

— Не задерживают.

— Ну и держись тогда.

Про двадцать тысяч за комнату я говорил им раньше, когда только переехал. Мама тогда удивилась, потом стала спрашивать, тепло ли там и нормальный ли сосед. А сумма зарплаты запомнилась обоим отдельно от расходов. Когда мы разговаривали в следующий раз, они уже считали меня человеком, который получает пятьдесят тысяч и живёт самостоятельно. Что происходит с деньгами между этими двумя обстоятельствами, подробно обсуждать не хотелось.

В середине декабря я сказал Олегу, что на Новый год поеду к родителям.

— Двадцать восьмого площадку сдаём, дальше свободен. Только всё закрой до отъезда.

— Девятого выходим?

— Да, девятого.

Он ответил, не отрываясь от экрана. Я купил билеты.

ДВАДЦАТЬ ОДИН ГРАДУС

В середине декабря мы делали новогодний корпоратив для фармацевтической компании. Четыреста человек, банкет, награждение, артисты. По словам заказчицы, восемьдесят процентов гостей — женщины.

— Триста двадцать, — сказал Миша, глядя в программу.

— Что?

— Женщины. Ты всё про количество стульев думаешь.

Хедлайнером был известный грузинский певец. Его любили девушки, женщины и особенно женщины, которые могли быть мамами девушек. Моя мама при первых звуках его песен всегда говорила: «Вот хороший голос». Я собирался рассказать ей после мероприятия. До него боялся сглазить.

Площадкой выбрали ARTPLAY. Бывший завод «Манометр»: кирпичные корпуса, большие окна, металл, непривычно много воздуха над головой. В Москве такие места уже превращали в модные площадки, а я ещё удивлялся, что дорогой праздник можно устроить там, где прежде работали станки.

На первом осмотре заказчица показала нам путь от входа до банкетного зала.

— Здесь надо рассказать о достижениях года. Но чтобы люди не чувствовали себя на конференции.

Я посмотрел наверх. До потолка было метров десять.

— А если картины будут висеть в воздухе?

Она переспросила, что я имею в виду. Я нарисовал на обороте программы несколько прямоугольников. Сначала препараты компании, потом лучшие сотрудники. Не стенды вдоль стены, а галерея, через которую гости пройдут в зал.

Миша забрал у меня ручку, добавил между прямоугольниками стрелку прохода.

— Только людям оставим место. Они ещё с сумками будут.

Заказчице понравилось.

Картины сделали из дешёвого пенопласта. Дизайнер оформил упаковки препаратов в общей новогодней теме: серебристые ветви, снег, тёмно-синий фон. Отпечатки наклеили с обеих сторон. Дальше шли портреты сотрудников — те же цвета, та же рамка, вместо коробки с лекарством лицо человека, благодаря которому эту коробку продавали лучше остальных.

Подвесами занимались монтажники площадки. Когда они закончили и убрали лестницы, я прошёл по галерее. Прозрачные лески терялись в высоте. Лёгкие прямоугольники едва поворачивались от движения воздуха, показывая то одну сторону, то другую.

На полу под ними декораторы разложили широкие сугробы искусственного снега. Проход оставили чистым. Свет направили так, что лица и упаковки выступали из полумрака, а креплений почти не было видно. У края галереи я остано-

вился. Получилось даже лучше, чем на моём рисунке.

— Только не показывай всем, из чего сделано, — сказал Миша.

Я убрал с пола обрезок пенопласта.

***

Зал превращали в ледяной замок. Вокруг сцены поднимались полупрозрачные зубчатые башни, за ними светился синий задник. На колоннах появились длинные матовые панели, похожие на пласты льда. Над круглыми столами висели лёгкие прозрачные подвески; когда включали свет, по белым скатертям пробегали блики. В высоких вазах стояли выбеленные ветви с маленькими огоньками. Весь зал казался холодным, хотя на монтаже я ходил в одной футболке.

Программу тоже собрали заранее. У входа можно было сфотографироваться в санях, дальше гости записывали короткие поздравления коллегам, оставляли пожелания на большой карте компании. Банкет чередовался с награждениями и короткими музыкальными заданиями для столов. Мы с Мишей прошли весь вечер по минутам, включая паузы, когда люди должны были просто поесть.

Но главным на входе были настоящие северные олени.

Их привезли с санями, упряжью и людьми, которые знали, что с ними делать. Рядом работали ещё двое, отдельно нанятые следить за чистотой. В смете это выглядело прилично. На площадке Миша объяснил мне проще:

— Олень не знает, что у нас согласована новогодняя сказ-

ка.

Один из оленей подтвердил это ещё до прихода гостей. Человек с совком появился так быстро, будто ждал именно этой реплики.

Потом у саней фотографировались женщины в вечерних платьях поверх расстёгнутых шуб. Они улыбались, гладили оленей, просили коллег снять ещё раз. За их спинами незаметно убирали то, чему в кадре быть не полагалось. Миша держал эту часть вечера на себе. Я каждые несколько минут уходил в гримёрку.

***

Райдер певца Олег переслал мне за неделю до проекта.

Я открыл файл, пролистал до конца и вернулся к началу. Техническую часть разбирала команда со звуком и светом. Всё, что касалось гримёрки, было на мне.

Две бутылки восемнадцатилетнего виски. Коньяк ХО. Сухое белое вино определённого производителя, охлаждённое. Стеклянные бокалы под каждый напиток. Вода без газа — часть комнатной температуры, часть прохладная. Чай, кофе, мёд, лимон, свежая мята. Горячая еда к приезду: рыба, курица без соуса, рис, овощи. Сырная тарелка, орехи, виноград без косточек, клубника, мандарины. Никаких пластиковых приборов.

И шесть пар новых чёрных хлопковых носков.

Я несколько раз прочитал этот пункт, надеясь найти рядом объяснение. Объяснения не было. Носки — были.

В гримёрке требовалось ровно двадцать один градус. Отдельно — увлажнитель, очиститель воздуха, отсутствие посторонних запахов. За каждый невыполненный пункт в приложении стоял штраф: пятьсот евро.

— Будут штрафы за райдер — вычитаю из премии, — сказал Олег.

Он уже открывал следующее письмо. Я остался стоять возле его стола.

— За каждый пункт?

— Поэтому сделай всё.

Я ещё раз посмотрел на файл. До поездки домой оставалось немного. Хотелось купить родителям хороший подарок, Саре что-нибудь привезти, не считать каждую купюру за праздничным столом. Теперь всё это зависело в том числе от носков.

Концертный директор звонила каждый день. По телефону ей было недостаточно моего «да». Какая вода? Когда привезут? Кто проверил? Фото холодильника можно? Температура сейчас какая?

Я присылал фотографии, получал новые вопросы и снова шёл проверять. Мише сказал, что она полная сука.

— Может быть, — ответил он. — Носки купил?

— Купил.

— Значит, уже есть о чём поговорить.

В день монтажа гримёрку сначала перегрели. Потом открыли дверь, пока заносили столы, и я смотрел, как цифры

на термометре ползут вниз. Увлажнитель работал, очиститель тихо гудел. Я закрыл дверь, постоял внутри и вернулся через десять минут. Двадцать один.

По-моему, за эту неделю я потерял несколько килограммов. Не взвешивался. Просто всё время хотел есть, но, когда появлялась еда, обязательно звонил телефон.

Директор приехала днём вместе с музыкантами, на саундчек. Женщина лет сорока пяти, в тёмном пуховике, с большой сумкой и спокойным лицом. Я узнал её только по голосу.

Она прошла в гримёрку, проверила стол, заглянула в холодильник, посмотрела на термометр. Я стоял рядом с распечаткой, хотя помнил её уже лучше собственного адреса.

— Носки здесь, — сказал я раньше, чем она спросила.

Она посмотрела на аккуратную стопку.

— Вижу. Спасибо, Данила. Всё хорошо.

Я ждал продолжения.

— Можно кофе? И сами садитесь на минуту. Вы с утра здесь?

Она говорила тем же голосом, которым вчера требовала фотографию бутылки, но теперь в нём не было ничего страшного. Пока ей делали кофе, спросила про оленей, засмеялась, когда я рассказал про отдельный уборочный персонал. Потом уточнила, кто встретит артиста, и пошла к музыкантам.

Я остался у стола. Из всех придуманных мной вариантов

этой встречи такого не было.

***

Когда приехали гости, галерея стала работать так, как я представлял. Люди замедляли шаг, смотрели вверх. В отделе лучших сотрудников кто-нибудь обязательно узнавал коллегу, звал остальных. Одна женщина встала под своим портретом, а подруга долго выбирала ракурс, чтобы обе версии лица поместились в кадр.

Я прошёл мимо и услышал:

— Смотри, тебя ещё и с двух сторон напечатали.

Мне захотелось остановиться и объяснить, что это я придумал. Вместо этого ответил в рацию и пошёл проверять подъезд к служебному входу.

Певец приехал за полчаса до выхода.

Поздоровался, пожал мне руку, спросил, как зовут. В гримёрке снял верхнюю одежду и оглядел стол.

— Спасибо. Хорошо у вас.

Я сообщил про горячее. Он поблагодарил, попросил воды.

Пока он разговаривал с директором, я смотрел на бутылки. Никто к ним не притрагивался. Носки тоже лежали на месте. Певец сделал несколько глотков, спросил, далеко ли идти до сцены. Я показал путь.

— Не волнуйся так, — сказал он мне. — Всё успеем.

Мне стало неловко: я думал, что по мне уже не видно.

Перед выходом директор сама нашла меня и уточнила готовность. Потом взяла артиста под локоть, что-то сказала

ему вполголоса и отпустила к сцене.

Зал узнал первые звуки раньше, чем ведущий успел закончить представление. Женщины поднялись из-за столов. Кто-то прижал ладони к лицу, кто-то уже снимал на телефон. Я вспомнил маму и впервые за день улыбнулся без необходимости кого-нибудь успокоить.

Тридцать пять минут программы прошли почти незаметно. Из-за кулисы я видел ближайшие столы: гости пели, обнимались, тянули руки к сцене. Певец отвечал им так, будто именно этот вечер был для него главным.

После последней песни он поклонился и ушёл за кулису. К нам почти бегом подошла одна из руководительниц компании.

— Ещё две песни. Пожалуйста. Они же его не отпустят.

Я посмотрел на директора. В голове уже открылся ещё один файл с условиями, которых я не знал.

Она повернулась к певцу. Он выслушал просьбу, улыбнулся и кивнул.

— Давайте ещё споём.

Я успел предупредить Мишу и звукорежиссёра. Зал закричал, когда артист вернулся.

После двух песен он ушёл сразу к служебному выходу. Директор уже держала его верхнюю одежду. Он ещё раз пожал мне руку.

— Спасибо. Хороший вечер.

Я проводил их до машины. Дверь закрылась, машина отъ-

ехала. Я постоял на холоде, потом вернулся в гримёрку.

Там было двадцать один.

Бутылки стояли нетронутыми. Горячее осталось под крышками. На фруктовой тарелке почти ничего не изменилось, возле воды стоял использованный стакан. Шесть пар носков лежали ровно так, как я их разложил.

Миша заглянул в дверь.

— Всё?

Я кивнул.

— А ты боялся.

— Я за это боялся, — сказал я и показал на стол.

Он посмотрел на носки.

— Они выступили без замечаний?

Я засмеялся. Потом сел, впервые за несколько часов.

***

Корпоратив закончился удачно. Заказчица благодарила нас, отдельно сказала про галерею. Олег слушал и кивал, потом подозвал меня с Мишей.

— Хорошо сделали.

После проекта команде выдали премию. Мне — без вычетов. Я пересчитал деньги и сразу представил, как приеду домой: с подарками, с рассказами, с возможностью самому за что-нибудь заплатить. Остаток прикинул на январскую комнату и обычные расходы. Сумма нравилась мне всё больше.

До конца декабря у меня было ещё два похожих проекта: большие компании, банкеты, известные артисты, бюджеты,

в которых легко терялась моя месячная зарплата. Райдеры отличались, но я уже знал, что спрашивать заранее и кому звонить на площадке. За них тоже получил премии.

Когда в последний раз зашёл в офис перед отъездом, на столе Миши лежали новые списки. Я хотел спросить, что там будет в январе, но он говорил по телефону. Решил, что успеем после праздников.

ПЛАЦКАРТ

Мультиварку я выбирал почти час.

Продавец показывал кнопки, рассказывал про программы и предлагал модель дороже. Я уже начал соглашаться, потом посмотрел на ценник и попросил вернуться к первой.

На коробке были нарисованы блюда, которые выглядели так, будто готовила их не техника, а отдельный человек с пинцетом. Мне понравилось, что подарок большой. Не какая-нибудь мелочь из Москвы. Вещь.

Дома я поставил коробку возле сумки и понял, что в поезд придётся брать её отдельно.

В последний рабочий день Олег выдал остаток декабрьской зарплаты. Пожелал отдохнуть. Миша пожал мне руку и сказал, чтобы я хоть там выспался.

Я оставил свою кружку на столе. Помыл, перевернул на салфетку. Скоро возвращаться.

В плацкарте коробка сначала не влезла под полку. Мужчина напротив помог развернуть её другим боком, подвинул собственный пакет.

— Что везёшь?

— Мультиварку. Родителям.

Он кивнул.

— Понятно. Ноги только оставь куда поставить.

Я сел у окна. Антон прислал сообщение: «Московский

продюсер едет в народ?»

«Везу технологии в регионы».

Он ответил смеющейся рожей и фотографией ресторанного стола. Я посмотрел на свой чай в подстаканнике, на пакет с булкой и убрал телефон.

Лететь было дороже. Разницу я предпочёл оставить на праздники, но в объяснениях друзьям говорил, что давно хотел спокойно поездить на поезде. Посмотреть в окно, подумать.

Подумать в вагоне было можно. Не разговаривать — труднее.

У соседки сверху не заряжался телефон, и я полез за своим проводом. Мужчина напротив спрашивал, где я в Москве работаю. Я рассказал про агентство, назвал пару клиентов. Он ни одного не узнал. Зато заинтересовался мультиваркой: можно ли в ней варить холодец.

Я не знал.

— Там много режимов, — сказал я.

Он удовлетворился ответом и достал варёные яйца.

Ночью в вагоне стало слишком жарко. Я лежал на верхней полке и слушал, как внизу человек осторожно разворачивает пакет, стараясь никого не разбудить. Делал он это так долго, что проснулись, кажется, все.

В телефоне были фотографии с мероприятий. На одной я стоял рядом с известным ведущим. Мы не общались: его ассистент разрешил быстро сфотографироваться после вы-

ступления. Я приблизил снимок. Со стороны этого было не понять.

Потом открыл билет и ещё раз посмотрел время прибытия.

Тридцать первое декабря. Успеваю.

МУЛЬТИВАРКА

31 декабря 2012 года.

На перроне стоял отец.

Я увидел его из двери вагона: знакомая шапка, поднятый воротник, руки в карманах. Он смотрел не туда, и я позвал:

— Пап!

Отец поднял голову, улыбнулся и пошёл ко мне, осторожно обходя людей.

Обнялись. Куртка у него была холодная.

— Мама где?

— Салаты режет. Сказала, мы вдвоём с тобой справимся.

Он взял сумку, я поднял коробку.

— Это чего?

— Вам подарок. Мультиварка.

Отец посмотрел на рисунок, потом на меня.

— Лучше бы деньгами, конечно.

— Пап, ты ничего не понимаешь. Сейчас в Москве у всех на кухне мультиварки. Она вообще всем нужна. Закинул продукты — и всё.

— И всё?

— Ну да. Готовит сама.

Он улыбнулся по-доброму и перехватил сумку поудобнее.

— Тогда хорошо. А то мать с утра готовит сама, и что-то ей это не нравится.

Я засмеялся.

У выхода со станции пришлось остановиться: затекли пальцы, державшие пластиковую ручку коробки. Отец молча поменялся со мной ношей. Пока шли к машине, рассказывал, где теперь перекопали дорогу и почему обратно лучше через другой район.

Я смотрел по сторонам. Вроде ничего не изменилось. Только вывеска у магазина стала другой, а сам магазин почему-то казался ниже.

Дома пахло варёным картофелем, майонезом и мандаринами.

Мама вышла из кухни, вытирая руки полотенцем. Обняла, отстранилась, посмотрела на меня, снова обняла.

— Худой какой. Ты ешь там вообще?

— Мам, я нормально ем.

— Сейчас поешь.

Из комнаты вылетела Сара и повисла у меня на шее. Я едва успел поставить сумку.

— Ты почему так долго?

— Поезд раньше не приехал.

— Я не про поезд.

Ей было двенадцать, ровно на десять лет меньше, чем мне. За месяцы моего отсутствия она вытянулась, но обнимала по-прежнему изо всех сил, будто я мог снова уйти, пока она отпускает руки.

— Ты выросла, что ли?

— А ты думал, я тебя тут маленькая ждать буду?

Она отступила, посмотрела на меня и засмеялась. Я тоже. В коридоре сразу стало тесно: мама, отец с коробкой, Сара, которая одновременно хотела забрать мою куртку и показать что-то в комнате.

— Дай брату разуться, — сказала мама.

— Он уже разулся.

Сара взяла меня за руку. На моём старом столе, среди квитанций, лежал лист с надписью «Даня дома». Она нарисовала поезд, а рядом человека с микрофоном. Человек был заметно выше поезда.

— Похож?

— Вылитый.

— Я вчера сделала. Думала, ты вечером приедешь, а папа сказал, раньше.

Я разгладил загнувшийся угол листа. Мама позвала нас на кухню, и Сара пошла рядом, не отпуская моей руки.

Мультиварку поставили на стол. Я начал объяснять, что она умеет. Мама стояла рядом с ножом в руке и кивала.

— Только сейчас давай не будем включать. У меня тут всё занято.

На кухне действительно не было свободного места. Отец убрал коробку в комнату. Я пошёл следом и обнаружил, что на моём старом столе лежат квитанции, очки и какие-то инструкции, а на кресле сохнет выстиранное покрывало.

— Уберу сейчас, — сказала мама из коридора.

— Не надо. Нормально.

Я поставил сумку возле кровати. Подумал, куда повесить рубашку. Открыл шкаф, потом закрыл: там лежали мои старые вещи, которыми я больше не пользовался, но место всё ещё считалось моим.

На кухне я спросил:

— Можно хлеб возьму?

Мама перестала резать.

— Даня, ты чего? Бери.

Я сам удивился, зачем спросил.

ГОСТЬ

За стол сели ещё до полуночи. Отец включил телевизор потише, чтобы можно было разговаривать. Мама всё равно время от времени смотрела в его сторону: там кто-то знакомый пел песню, которую она любила.

— Работа нравится? — спросил отец.

Я рассказал, как мы делали декабрьские вечера. Кто выступал, сколько человек было в зале, какие бюджеты проходили через агентство. Про то, что большую часть этих денег я видел только в таблицах, отдельно не уточнял.

— А тебе всё те же пятьдесят? — спросила мама.

— Да. Пока.

Мне понравилось, как прозвучало «пока».

— У нас люди годами работают, — сказала она, — и таких денег не видят.

— В Москве и цены другие.

— Ну продукты везде сейчас дорогие.

— Я за одну комнату двадцать отдаю.

Отец оторвался от тарелки.

— В месяц?

— Ну да. Я же говорил.

Мама покачала головой.

— Всё равно тридцать остаётся. Ты один. Молодец, что устроился.

Я хотел перечислить проезд, обеды, телефон, одежду, которую приходится покупать, если работаешь на мероприятиях. Потом посмотрел на родителей и не стал. Они радовались. Я тоже хотел порадоваться вместе с ними, без расчётов.

Отец поднял рюмку.

— Ну, чтобы дальше получалось.

Мы чокнулись. Мама сказала, что главное — здоровье. Я сказал, что само собой.

После полуночи звонили родственники. Телефон передавали мне, и я несколько раз рассказал, что всё нормально, работаю в рекламе и мероприятиях. В какой-то момент услышал из кухни, как мама говорит кому-то:

— Сам. Никто его туда не устраивал.

Я стоял в коридоре и ждал, когда она закончит, чтобы взять свою куртку и выйти к друзьям.

Не стал торопить.

На праздниках мы встречались почти каждый день. В старом баре меня узнали на входе. Позвали к стойке. Поставили трек знакомого диджея и спросили, как там Москва.

Это был вопрос, на который я мог отвечать долго.

Рассказывал про Антона, рестораны, артистов. Про счёт за один стол, который люди закрыли, не перестав разговаривать. Про клиента, поменявшего оформление за сутки. Называл суммы и смотрел, как друзья переглядываются.

— Пиздец, — говорил кто-нибудь. — И это за один вечер?

— За один.

Все эти истории были правдой. Просто в них я стоял к деньгам и известным людям чуть ближе, чем на самом деле.

— А сам ещё читаешь? — спросил приятель, с которым мы снимали первый клип.

— Пока некогда. Работа.

— Мы тут новый минус сделали. Заедешь?

— Заеду, конечно.

Мы так и не доехали до его студии. Сначала встретили знакомых, потом кто-то позвал в другой бар, потом я предложил взять такси.

Несколько раз платил за всех. Мне говорили, что не надо, я отмахивался. Один раз счёт оказался больше, чем я ожидал. Я посмотрел на него, сложил и достал карту. Обсуждать сумму после собственных рассказов было бы как-то мелко.

Никто не заставлял меня платить. Когда я понял это, стало особенно неудобно.

Днём мама собирала еду, которую я не успевал съесть. Отец спросил, когда мне обратно. Я ответил и почему-то добавил:

— Домой приеду восьмого, девятого на работу.

Он кивнул. Я услышал собственные слова уже после того, как произнёс.

Мультиварку мы распаковали второго января. Отец снял плёнку, мама вымыла чашу. Я сидел рядом с инструкцией и разбирался, какую кнопку нажимать. Оказалось, это не совсем «закинул — и всё», но в конце концов мы приготовили

кашу.

Мама попробовала, сказала, что хорошая. Отец спросил, московская ли на вкус.

Я запустил в него кухонным полотенцем. Сара поймала его и объявила, что кашу будет есть только из новой машины, иначе нечестно.

Первые дни она ходила за мной по квартире. Приносила телефон, показывала школьные фотографии, рассказывала про учительницу, которая однажды перепутала их класс с другим и десять минут ругалась не по адресу. Я слушал вполуха, отвечая друзьям. Потом Сара замолкала, и я замечал, что снова смотрю в экран.

Однажды вечером она спросила:

— Ты сегодня опять уходишь?

— Меня ребята ждут.

— А завтра?

Я посмотрел на неё. Сара стояла в дверях уже одетая в пижаму и старалась спросить так, будто ей просто интересно расписание.

Я написал приятелю, что сегодня не приду. Мы с Сарой устроились на диване, долго выбирали фильм и в итоге больше разговаривали, чем смотрели. Она спросила, правда ли я видел одного певца, которого у них слушали в школе. Я сказал, что видел со стороны сцены, но знакомы мы не были.

— А ты ему свои песни показывал?

— Нет.

— Почему?

Пришлось объяснять, что люди приезжают работать и не всегда хотят слушать чужую музыку. Сара подумала и сказала, что всё равно стоило попробовать: у меня есть хорошие песни.

Она назвала одну. Старую, которую я сам давно не включал. Оказалось, Сара знала весь припев.

Я обнял её за плечи. Мы досмотрели фильм. В телефон я в тот вечер больше не заглядывал.

Перед отъездом она принесла рисунок с поездом и попросила забрать. Я положил его в ноутбук, чтобы не помялся.

ВОСЬМОЕ ЯНВАРЯ

В Москву я вернулся восьмого января 2013 года.

Сумка стала тяжелее, хотя мультиварку я оставил. Мама положила еду, отец — пакет с яблоками и небольшой свёрток, который я обнаружил уже в поезде. Внутри были деньги. Я сразу позвонил.

— Пап, ну зачем?

— На такси с вокзала. Не начинай.

Я хотел объяснить, что сам зарабатываю, но он уже спрашивал, убрал ли я еду в прохладное место.

От вокзала доехал на метро.

В комнате было душно. Я открыл форточку, поставил продукты в общий холодильник и поздоровался с соседом. Он спросил, как съездил.

— Отлично.

Так и было. Я впервые приехал в родной город человеком, которому есть что рассказать о своей отдельной жизни. Никто не спрашивал, когда я наконец займусь делом. Наоборот, спрашивали, трудно ли попасть в Москву на работу.

Я отвечал, что главное — не бояться.

Теперь достал из сумки чистую рубашку, повесил на плечики. Поставил будильник. Написал маме, что добрался. Антону — что вернулся.

Посчитал оставшиеся деньги.

Поездка, подарки, бары и такси дома съели больше, чем я собирался потратить. До очередной выплаты придётся аккуратнее. Я решил несколько дней брать еду из дома. Мама как раз об этом позаботилась.

Перед сном открыл рабочую почту. Ничего срочного. Это даже радовало: можно спокойно войти в январь.

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ

В офисе было тихо.

Вместо декабрьских коробок вдоль стены стояли сложенные пластиковые ёлки. На одном столе лежала нераспечатанная шоколадка. Моя кружка оставалась перевёрнутой на салфетке.

Я включил компьютер, снял куртку. Миша поднял голову.

— Привет. Как дома?

— Хорошо. С Новым годом.

— И тебя.

Он смотрел на меня чуть дольше обычного.

Олег позвал минут через десять.

— Садись. Нормально отдохнул?

Я рассказал, что ездил к родителям. Он кивнул, убрал телефон экраном вниз.

— Слушай, Данил. Сезон закрыли. Сейчас объёма нет, дополнительный человек мне не нужен.

Я ждал, что он объяснит, чем пока заняться.

— То есть?

— Пока заканчиваем. Появится работа — позвоню.

Из соседней комнаты донёсся звук запускающегося принтера.

— Я же у вас работаю.

— Работал. И нормально работал, вопросов нет.

— Вы сказали девятого выходить.

— Ну вот вышел. Сейчас поговорили.

Я посмотрел на его стол. На нём лежал ежедневник нового года. Чистый, толстый, с закладкой. Для чего-то у Олега впереди всё-таки были планы.

— Почему до праздников не сказали?

— Сам до последнего не понимал. Один проект перенесли, другой пока думает. Ты же видишь, январь.

— Я билеты купил. Вернулся.

— Данил, ты к родителям ездил. Я здесь при чём?

Он сказал это без раздражения. Даже слегка удивился. Я понял, насколько глупо прозвучал.

— Мы договаривались надолго.

— Я и хотел надолго. Не получилось. За декабрь я с тобой полностью рассчитался?

— Рассчитались.

— Ну вот. Если что-то будет, ты первый, кому наберу.

Я молчал.

— Доступы Мише передай, пожалуйста. И проверь, чтобы все материалы по последнему вечеру были в общей папке.

На своём столе я увидел маленькую бумажку, которую оставил перед отъездом: что нужно доделать в январе. Список был написан моим почерком. Получалось, я сам придумал себе продолжение.

Миша подошёл, пока я собирал вещи.

— Я утром с ним разговаривал, — сказал он. — Сказал,

что ты нужен.

— И?

Он помолчал.

— Если услышу что-нибудь, скину.

Я кивнул. Хотел огрызнуться, но он хотя бы смотрел мне в лицо.

Скопировал оставшиеся файлы. Забрал кружку, зарядку и блокнот. В пакете всё поместилось свободно.

На лестнице позвонила мама.

— Ну что, вышел? Все отдохнули?

Я остановился между этажами.

— Да, вышел. Мам, я сейчас занят, позже наберу.

— Конечно. Работай.

Я спрятал телефон. На улице было холодно, до вечера оставалось слишком много времени.

Спустился в метро и сел в поезд, который шёл в сторону центра. Домой не хотелось. Я стоял у двери, держал пакет с кружкой и пропускал станции. На «Парке культуры» вышел вместе с людьми, поднялся наверх и пошёл к Крымскому мосту.

Было минус двадцать. На мосту ветер забрался под воротник, но я даже не застегнулся до конца. Смотрел вперёд и всё ещё слышал: «Ну вот вышел. Сейчас поговорили».

Ещё утром у меня была работа. В поезде я думал, что после праздников надо будет сразу включаться, не раскачиваться. Вспоминал, что не успели доделать в декабре. Теперь всё

это лежало у Миши в общей папке.

За мостом свернул в парк Горького. Под ногами скрипел снег. Кто-то быстро прошёл мимо, натянув шарф до глаз.

Дома отец слушал мои рассказы и кивал так, будто другого от меня и не ждал. Мама спрашивала, нормально ли я ем, но уже меньше тревожилась. Друзья расспрашивали про Москву, про работу, про людей, которых я видел. Я рассказывал охотно. Мне нравилось, как они слушают.

Праздники ещё стояли перед глазами: полный стол, знакомые лица, смех. А я шёл с кружкой в пакете и не мог придумать, что скажу, когда мама позвонит вечером.

Москва обошлась со мной как с ребёнком: показала конфету, дала подержать — и забрала, пока я разворачивал фантик. Я успел обрадоваться и всем рассказать. Попробовать толком не успел.

Что теперь?

Денег оставалось впритык. Комнату нужно оплачивать, есть каждый день. После праздников ещё попробуй найди работу: у всех январь, все только вышли, все потом перезвонят. Олег тоже перезвонит. Если что-нибудь будет.

Опять к Антону? С сумкой, на диван? Он пустит. Вот это я знал наверняка, и от этого становилось ещё хуже. Второй раз за несколько месяцев явиться к нему человеком, у которого опять не получилось. Я уже представлял, как начну объяснять, что всё нормально, это ненадолго.

Я шёл вдоль реки. Ветер обжигал щёки, глаза слезились.

Вытирал их рукавом и продолжал идти. Пакет пришлось переложить в другую руку: ручки врезались в пальцы.

Возле Нескучного сада остановился у ограды набережной. Стиснул зубы и посмотрел на другой берег. Слева блестел стеклом Андреевский мост. Было около полудня, низкое зимнее солнце освещало другой берег.

Я поставил пакет у ног.

Я докажу, что могу жить в этом городе. Я всего добьюсь сам.

Посмотрел вверх. Небо было бледное, чистое.

Я не прошу о помощи. Просто поддержи меня в этом решении. Хотя бы чуть-чуть.

Постоял, будто нужно было дать кому-то время услышать. Потом снял перчатку, набрал с ограды немного снега. Сухой снег рассыпался, я сжал его крепче. Получился маленький неровный снежок. Я бросил его на лёд и смотрел, как он разбился о белую корку.

Обратно пошёл быстрее.

Только дома понял, как замёрз. Щёки горели, пальцы плохо слушались, пока я расстёгивал куртку. Кружку поставил на стол и долго сидел рядом, не снимая ботинок.

ПОИСК

Дома я снова посчитал деньги. Отложил двадцать тысяч на комнату. К остатку добавил свёрток отца, который так и не потратил. Потом пересчитал без него. Потом опять с ним.

Часть декабрьских премий уже разошлась на подарки и поездку. То, что осталось, я сейчас и считал.

Квитанция из магазина, где покупал мультиварку, лежала в кармане сумки. Я выбросил её и через минуту достал: вдруг маме понадобится гарантия.

Первые отклики отправлял только в агентства. К вечеру следующего дня начал смотреть всё, где встречались слова «реклама», «клиенты» и «организация».

Один человек предложил выйти на мероприятие через две недели. Другой сказал перезвонить ближе к февралю. Кто-то обещал изучить резюме. Я обновлял почту, хотя уведомления были включены.

Антон позвонил вечером. Выслушал, выругался, предложил встретиться.

— Давай попозже. Мне сейчас работу найти надо.

— Если с деньгами совсем, скажи.

— Пока нормально.

Я не хотел снова переезжать к нему на диван. И не хотел, чтобы он подумал, что я уже об этом думаю.

Мама прислала фотографию ужина из мультиварки. Сни-

мок был тёмный, со вспышкой, но она старательно поставила тарелки рядом.

«Очень удобно. Спасибо тебе».

Я долго смотрел, потом ответил: «Я же говорил».

В понедельник меня пригласили на собеседование в компанию, которая продавала рекламу на своём поисковом сайте. Название я видел впервые. Открыл страницу: строка поиска, рубрики, карточки организаций. Рестораны, ремонт, мебель, салоны красоты.

В вакансии обещали оклад и процент, обучение за счёт компании, возможность быстрого роста.

В этот раз я дочитал до конца.

ПЯТЬСОТ

Руководителя отдела звали Вадим. Он носил пиджак поверх рубашки с расстёгнутой верхней пуговицей и разговаривал так, будто объяснял очевидные вещи людям, которые ему немного мешают.

— Опыт продаж есть?

— Я мероприятия делал. С клиентами работал.

— Продаж, Данил. Денег принёс сколько?

Я рассказал про вечер для Романа.

— Уже что-то. У нас продукт простой. Компания хочет клиентов, мы даём размещение на сайте. Продаёшь пакет, получаешь процент. Верхней планки нет.

Я спросил про нижнюю.

— Тридцать пять тысяч в месяц на руки. Остальное — процент.

Он объяснил, когда выплата. Я уточнил ещё раз. Вадим посмотрел на меня без особого интереса, но ответил.

Тридцать пять. Двадцать за комнату. Остаётся пятнадцать на проезд, еду и сигареты. Если считать тридцать дней — по пятьсот рублей. Справлюсь. А там, может, и продам что-нибудь.

— Мне человек нужен сейчас. Готов завтра?

Я был готов сегодня.

На стене отдела висело расписание. С восьми до двена-

дцати — звонки и назначение встреч. С двенадцати до четырёх — выезды на встречи, которые договорились провести накануне. К пяти возвращение. До шести отчёт. Если выезжать было не к кому, оставались звонить.

— Пятьсот исходящих за день, — сказал Вадим, проводя пальцем по первой строке. — С утра основной обзвон. Рабочая база у всех одинаковая. Дальше вопрос к тебе.

Я посмотрел на часы, потом на него.

— Это по сколько секунд на разговор?

Девушка за соседним столом тихо фыркнула.

— Это попытки, — сказала она. — Не пятьсот человек, которые мечтают с тобой поговорить.

Вадим проводил меня до прохода между столами и посмотрел на мою одежду.

— Завтра в пиджаке.

— Обязательно?

— Без пиджака в офис не пускают.

Я оглянулся. Мужчины и правда сидели в пиджаках: кто в тёмном, кто в сером, один в слишком большом, с собранными у локтей рукавами. У Вадима это выглядело естественно. У остальных — как будто они ещё не успели раздеться.

У меня пиджака не было. Из дома я привёз вещи, в которых выступал и ходил в клубы; кое-что купил, пока работал у Олега. Мне нравилось, как я одевался. До этой минуты гардероб меня вполне устраивал.

На улице открыл карту. Рядом был торговый центр. По

вывескам, тесному входу и лестнице, обложенной блестящей плиткой, он остался где-то в девяностых.

Я обошёл несколько магазинов. Пиджаки висели плотно, плечом к плечу. Продавцы сразу обещали скидку. Я трогал ткань, смотрел цену, возвращал вещь на место. Даже дешёвые стоили больше, чем я мог сейчас потратить на одежду.

Возле метро увидел вывеску: «Комиссионный магазин. Секонд-хенд».

Остановился. Внутри что-то сжалось.

Полгода назад я пил шампанское в гримёрке знакомого клуба. За дверью шумел зал, кто-то просил сфотографироваться. В родном городе меня узнавали, звали выступать. Мне казалось, что знают все. А сейчас я стоял у метро и не мог купить даже дешёвый пиджак, чтобы меня пустили звонить незнакомым людям.

Я глубоко вдохнул и толкнул дверь.

Вышел с пакетом. Внутри был аккуратно сложен синий пиджак с белой отделкой по краям. Наверное, прежний хозяин покупал его на какое-нибудь торжество. Снаружи он выглядел прилично, зато подкладка внутренних карманов была порвана. Я обнаружил это ещё у зеркала, просунув пальцы в один из них.

Брать всё равно было больше нечего.

Главное условие я выполнил. Вадим не уточнял, что пиджак должен быть именно офисным.

***

На следующее утро я повесил куртку, поправил белый край на лацкане и прошёл к своему столу. Вадим поднял глаза, задержал их на пиджаке и показал, где включается программа.

Офис состоял из голосов. Огромный открытый зал примерно на шестьсот человек был заставлен рядами столов. Люди представлялись, просили соединить, повторяли фамилии. Кто-то говорил стоя. Один парень улыбался пустому монитору так широко, что у него дрожала щека.

Во главе каждого ряда сидел руководитель. Время от времени он подключался к звонку, слушал, потом подзывал сотрудника или говорил прямо с места:

— Здесь рано отпустил. Надо было спросить, кто решает.

— Не спорь с ним, встречу назначай.

Иногда говорили: «Вот так хорошо». Я заметил, как после этих слов парень напротив выпрямился и сразу набрал следующий номер.

Если кто-то слишком долго молчал, руководитель поднимал голову. Пауза между звонками тоже требовала объяснения.

На перекур отпускали раз в полтора часа, на пять минут. Выходы в туалет записывали. В первый раз я решил, что ослышался, но девушка за соседним столом показала, где отмечаться, и вернулась к разговору.

В программе считались все исходящие: занято, сброшено, не ответили, повторный набор. Утро было разбито на корот-

кие гудки. Когда отвечал живой человек, я иногда не сразу успевал начать говорить.

Я тоже попробовал улыбаться. Через час устала челюсть.

В первый день я назначил одну встречу. Мужчина согласился на завтра, но попросил обязательно перезвонить перед выездом.

Когда я перезвонил, он уже не помнил разговора.

— Вы кто?

Я повторил.

— А, реклама. Нет, не надо. У нас дел полно.

В графе «встреча» пришлось поставить отмену.

— Значит, плохо договорился, — сказал Вадим.

— Он согласился.

— А потом отказался. Тебе результат нужен или запись о том, что он согласился?

В агентстве меня учили уточнять условия, чтобы работа состоялась. Здесь я пока учился не принимать близко к сердцу, когда моё имя забывают через минуту.

К концу недели мой счётчик подбирался к пятистам звонков в день. Большинство попыток обрывалось раньше, чем я успевал произнести название сайта. Иногда попадался человек, который спокойно слушал две минуты. Я радовался ему сильнее, чем назначенной встрече.

Одна женщина спросила:

— Вы сами на вашем сайте что-нибудь ищете?

— Конечно.

Сказал автоматически. Потом понял, что заходил туда только из-за вакансии.

Она попросила прислать информацию. Я отправил и впервые внимательно прочитал то, что рассылал.

С ДВЕНАДЦАТИ ДО ЧЕТЫРЁХ

Встречи выглядели проще на карте, чем в жизни.

От метро надо было идти через промзону, искать другой вход, ждать человека, который вышел на пять минут. На следующую встречу я приезжал уже опоздавшим и начинал с извинений.

Однажды владелец небольшого мебельного магазина посадил меня у окна. Слушал внимательно, не перебивал. Я рассказал про размещение, показал распечатку, раскрыл ноутбук.

— Сколько людей меня увидит? — спросил он.

Я назвал общую аудиторию сайта из презентации.

— Не весь сайт. Меня.

Я начал объяснять про рубрику.

— Хорошо. По нашей рубрике сколько?

Этой цифры у меня не было.

Он посмотрел на фотографии товара на своём столе.

— Я не против рекламы. Мне за неё платить надо. Вы же понимаете?

Я понимал. Именно поэтому внезапно стало трудно продолжать.

Обещал уточнить статистику и прислать. Он поблагодарил за визит. Ничего не купил.

Вернулся в офис без десяти пять, мокрый от снега, с хо-

лодными пальцами. Вадим спросил про договор.

— Ему нужны данные по рубрике.

— Ты на встречу ездил продавать или собирать ему вопросы?

— Он нормальный вопрос задал.

Вадим посмотрел на меня.

— Нормально зарабатывает тот, кто продаёт. Остальные задают вопросы.

Я сел заполнять отчёт. Написал: «Клиент запросил дополнительную информацию». Вадим вернул: «Почему не закрыт?»

До шести надо было описать каждую встречу и каждый следующий шаг. Весь день меня торопили говорить короче, а вечером требовали подробно объяснить, почему разговор оказался коротким.

После работы я иногда ещё отправлял отклики в агентства. В сопроводительном письме писал, что готов рассмотреть предложения. Хотел написать, что готов выйти прямо сейчас, ночью, в любую разгрузку, только пусть кто-нибудь ответит.

Мише написал отдельно. Он обещал держать в голове.

В метро я перестал слушать музыку. Было достаточно, что никто не требовал от меня говорить.

БОЙЛЕРНАЯ

Так прошли ещё две недели. Утренние звонки, встречи, обратная дорога в офис, отчёт. Я уже узнавал по голосу секретарей, которые соединять меня ни с кем не собирались, и знал, в каком вагоне удобнее ехать к очередному клиенту. Легче от этого не становилось. В календаре сменился месяц, а я всё ещё ждал первой продажи и каждое утро обещал себе, что долго здесь не останусь.

В пятницу после отчётов нас оставили на обучение.

Вадим принёс ноутбук, подключил к большому экрану. Попросил убрать телефоны. На стол поставили печенье, к которому никто сначала не притронулся.

Включили фрагмент «Бойлерной». Я видел фильм раньше. Помнил людей, которые очень убедительно объясняли друг другу, как надо зарабатывать. Помнил и то, чем там занималась компания.

Вадим остановил запись.

— Вот уверенность. Вот энергия. Человек сам верит в то, что говорит.

Он раздал задания, разбил нас по парам. Один должен был играть покупателя, второй — добиваться продажи. Потом менялись.

В моей паре был парень по имени Денис. Утром я слышал, как он уговаривал по телефону кого-то потерпеть до зар-

платы. Сейчас ему досталась роль состоятельного владельца бизнеса.

— Мне неинтересно, — сказал Денис.

Я задал вопрос. Он повторил, что неинтересно.

— Не отпускай его, — вмешался Вадим.

Мы продолжили. Денис начал придумывать всё новые причины отказа, и через несколько минут мне уже хотелось, чтобы он сам купил у меня эту рекламу за свои деньги и оставил в покое.

Вадим остановил упражнение.

— Ты сдался раньше клиента. Это у тебя в голове проблема. Не в продукте.

Денис смотрел в стол. Я смотрел на экран, где застыл кадр из фильма.

— А цифры по рубрике можно получить? — спросил я. — Которые я просил.

— Сейчас мы работаем с твоей уверенностью.

— Ему моя уверенность не нужна была. Ему нужны были цифры.

В комнате стало тихо. Я слишком хорошо знал, чем у меня заканчиваются такие разговоры.

Вадим подошёл ближе.

— Слушай, у тебя ответ на всё есть. Почему продаж нет?

Я посмотрел на пакет с кружкой под столом. Принёс её из агентства несколько дней назад, но так и не распаковал.

— Давайте дальше, — сказал я.

Он ещё немного посмотрел на меня, потом повернулся к следующей паре.

Когда закончили, печенье уже съели. Я собрал вещи, вышел на улицу и набрал Антона.

— Ты где?

— Еду. А что?

— Ничего. Просто поговорить.

Он спросил, что случилось. Я рассказал про обучение. Пытался смешно, но в середине перестал.

— Я ненавижу это место, — сказал я. — Серьёзно. Мне утром уже противно туда ехать.

Антон не стал смеяться.

— Скинь, где ты. Поедим.

ЕЩЁ ОДИН ВЕЧЕР

Мы сидели в кафе. Я ел слишком быстро и всё время поглядывал на телефон, хотя рабочий день закончился.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.